

**МАТЕРИАЛЫ
XXXVIII Международной
Филологической конференции**

**16-21 марта 2009 г.
Санкт-Петербург**

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

**Факультет филологии и искусств
Санкт-петербургского государственного университета
2009**

КВАНТИТАТИВНО-ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В настоящее время особый интерес представляют системно-функциональные исследования, усилилось внимание к проблеме межкатегориального взаимодействия, охватывающего как грамматические категории, так и функционально-семантические поля.

В грамматической традиции издавна изучались связи между близкими друг к другу категориями, образующими «естественные комплексы» (вид и время, наклонение и время и др.). При всей важности изучения подобных категорий следует подчеркнуть актуальность исследования связей между более «далекими» друг от друга категориями (Бондарко 2002). Выявление «нетривиальных» связей между функционально-семантическими категориями – важный аспект данной проблематики, на котором мы и сосредоточили наше внимание, рассматривая сопряженные квантитативно-экзистенциальные категориальные ситуации в русском и английском языках.

Категориальные ситуации базируются на определенных семантических категориях и соответствующих функционально-семантических полях (ФСП) и представляют собой отдельные аспекты передаваемой высказыванием ситуации, т.е. это категориальные характеристики высказывания, реализация элементов ФСП в речи (Там же: 319-338).

Взаимодействие элементов ФСП находит соответствие в сопряженных категориальных ситуациях, где более существенный семантический компонент считается доминантой. Доминирующей в приводимых ситуациях является главным образом экзистенциальность, причем не только как взаимосвязь структур, конституирующих экзистенцию, бытийное устройство субстанции, но и как несуществование, а также отсутствие предметов, признаков, действий. Количественность мы трактуем широко и включаем в нее множество, величину, меру, степень (Теория функциональной грамматики 1996: 162); как поле она имеет сложную полицентрическую структуру. Нас заинтересовали единицы, соотношенные именно с понятием «нулевого количества», т.е. полного отсутствия количественного признака.

Отрицательные кванторы, нулевая множественность – все эти понятия относятся скорее к логике, но данные семантические компоненты имеют и свое языковое выражение, причем в каждом языке их представление носит индивидуальные черты, которые ещё предстоит рассмотреть подробнее.

На наш взгляд, сектор нулевой количественности непосредственно связан с экзистенциальностью, именно его мы и подвергли анализу, составив методом сплошной выборки картотеку из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» и его англоязычного перевода. Делая выводы о частотности употребления ряда языковых единиц, мы также обращались к корпусу русского и английского языков соответственно, чтобы сопоставить полученные в результате анализа романа данные с употребляемостью языковых единиц в целом.

В первую очередь следует отметить, что единицы-репрезентанты анализируемых ситуаций располагаются в разных местах на шкале эксплицитного/имплицитного выражения: *многолетнее отсутствие / years of absence, огород пустовал / there was nothing in the kitchen garden, пустыри, отсутствующий взор / absently surveyed, совершенное безветрие / perfect stillness, an ignorant fool / невежда* – нами рассматривался широкий спектр единиц.

В исследованном материале были обнаружены следующие вариативные значения в рамках квантитативно-экзистенциальных ситуаций. В первую очередь речь идет о триаде **предметоколичество** (которое подразделяется на одушевленное и неодушевленное), **процессоколичество**, **признакоколичество**.

Для предметоколичества наиболее частотными являются случаи отсутствия

неконечных множеств, представленных следующим образом: «исчисляемое существительное (одушевленное / неодушевленное) во множественном числе (*Npl*) + *нет* в функции сказуемого» (*фактов нет, нет народов*). В английском языке им соответствует структура *there are no Npl*, иногда встречается структура *Npl don't exist*. Отсутствие кого-либо фиксируется реже, чем отсутствие / несуществование чего-либо, причем превалирует единственное число предметов / лиц. Отметим, что *there is / there was no* сочетаются главным образом с *doubt, excuse, need, right, time / point in doing something*, а конструкция с *not any* практически не встречается. *Не было / не будет* употребляется как при обозначении отсутствия предметов / лиц, так и действий. В последнем случае английским соответствием может являться *had nothing to*: *He had nothing to think about*.

Конструкция *без + N* стоит на втором месте по частотности употребления. Английский предлог *without* сочетается с лексемами, обозначающими эмоциональные состояния (*without hesitation, malice*), а также с герундием, который используется для репрезентации отсутствия выполнения действия (*without doing something*).

Любопытны случаи репрезентации отсутствия предметов / действий через лексическую семантику. Здесь речь идет о выведении данного значения из словарного толкования лексемы (*старухи погорелки, сирота; widow, bankruptcy*), но иногда оно эксплицируется контекстом: *...без папи, без мамии росла сиротой / I grew up an orphan without a father and mother*.

В рамках предметоколичества среди других выделяется группа главным образом неисчисляемых существительных со значением «смерть, разорение, разрушение»: *смерть, гибель, кончины, опустошение, обнищание, пустыри, пепелище; ashes, death, ruin, desolation, destitution*; хотя данное значение прослеживается и в других сферах отмеченной триады (*разрушенные, покинут, сгоревшие; ruined, abandoned, burned-out*):

А то все полетит прахом / otherwise everything would go up in smoke.

И вот эти деньги третьего дня он проиграл до копейки / This money he had gambled away two days ago down to the last copeck.

...и все разлетится вдребезги / ...everything I've built up is scattered to the winds.

Что касается количества действия, то в первую очередь оно связано с категорией числа глагола, т.е. с количеством субъектов действия, так как здесь наиболее явно выражено противопоставление один / больше, чем один:

Пошел добровольцем на войну и больше не возвращался, был убит / He went off to the war as a volunteer and was killed.

Каждый раз вместе с ними ...падали отдельные подбитые и больше не вставали / Each time, one or two, who had been hit, fell ...and did not get up again.

С другой стороны, количественная семантика глагольных наименований выходит далеко за пределы категории числа. Глагольная множественность объединяет три независимых аспектуально-семантических признака: кратность, длительность и интенсивность. Первый из них является квантификационным, два других – параметрическими, но все эти аспекты входят в понятие количественности, которое имеет две взаимосвязанные семантические зоны: 1) количество как множество объектов и 2) количество как величина (Там же: 220).

Следующие семантические варианты, прослеживающиеся в анализированном материале, характеризуют процессоколичество:

-отрицание потенциально кратного действия, показателями которого являются лексемы *никогда, ни разу, never*:

Гордон ни разу в жизни не был свидетелем землетрясения / Gordon had never been in an earthquake.

И никогда этим не интересовался / I've never bothered to find out.

-схождение на нет: *Вдруг всё это разлетелось. Они обеднели / Suddenly it all vanished. They became poor.*

-сведение на нет, представленное переходными глаголами, в семантике которых

заложено прекращение существования кого/чего-либо (*прикончить, уничтожить склад, зарезать, сжечь; have smb's throat slit, burn down*):

И всё до нитки поздал / and given away everything to the last shred.

Особняком стоят случаи длительной или повторяющейся нереализации действия:

Долго не поступали сведения из счетной части / For a long time nothing was heard from the accountants.

Юра последние годы совсем не попадал на материнскую могилу / He had not been to her grave in recent years.

...опять не отозвался; снова не могла открыть рот / ...again she tried to shout and again found she couldn't.

Практически в каждом случае анализируемые категориальные ситуации окрашивают отрицательные коннотации за редким исключением: *прекратить мучения, ни у кого нет озлобленности, нет зла.*

Отрицание в сфере признакоколичества не так частотно и разнообразно. Это прилагательные и наречия (*неподвижно, безмолвно, необъяснимо, необнаруженный, пустой, голый; bald, barren, empty, still, stagnant, silent, groundless, helplessly*), одни из которых имеют отрицательные аффиксы, другие – лексическую семантику отсутствия.

Таким образом, средства представления семантики отсутствия / несуществования включают в качестве основных: существительные, прилагательные, наречия и глаголы с соответствующей лексической семантикой. Значительная нагрузка при выражении отсутствия чего-либо ложится в обоих языках на отрицательные местоимения *ничего, nothing, никто, no one, nobody, ничто, none* – от более к менее частотным. Лексемы *никогда, ни разу, never*, используемые при обозначении действий, также часты.

Встречаются стилистически маркированные единицы типа просторечного *нету*, а также *ничегошеньки, ни капельки, ни черта, и след простыл, как рукой сняло*. В английском языке такая экспрессивность встречается реже, мы видим вместо этого *not a word, just nothing, vanished*.

Нельзя не упомянуть словообразовательные средства, точнее, отрицательные аффиксы. В русском языке это приставки *бес-, не-*; а в английском – суффикс *less*; эти средства особенно характерны для отрицания признакоколичества: *бессильна, неподвижно; fruitless, motionless*.

В сфере процессоколичества за счет развитой системы морфологических средств в русском языке и использования способов действия «сведение на нет» более эксплицировано, чем в английском, где используется лексическая семантика при поддержке контекста. В обоих языках существует подкласс экзистенциальных глаголов, указывающих на завершение процесса, действия; это следующие терминальные глаголы: *decay, die out, disappear, fade, pass away, perish, vanish* и т. д.

Особенностью английского языка является глагол *will / would* с отрицательной частицей *not*, употребляющийся для обозначения нереализованного несмотря на неоднократные попытки действия: *Целиком он не входил ни в какую дверь / It would not go through any door in one piece.*

Тосковала по оставленному стаду и не брала корма из рук новой хозяйки / She was homesick for the herd and would not yet accept food from her new mistress.

В обоих языках используются конструкции с инфинитивом: *не с кем работать, не на что было надеяться, у меня нечего красть / there's nobody to work with, they had nothing to hope for*. Для усиления значения «ни один из возможных» существительное сочетается с отрицательным местоимением *никакой* с соответствующими ему в английском языке *not any*: *никакой надежды, никакой почвы; there isn't any hope*.

Кроме того, это синтаксические структуры *there is / are no / not, neither ... nor*, а также подчеркивающие полное отсутствие чего-либо *ни.., ни.., ни*, повторяющиеся *не* с однородными сказуемыми; *no sth, no sth or sth*:

И никого кругом, ни близких, ни авторитетов / There was no one around, neither family

nor people whose judgment you respected.

За окном не было ни дороги, ни кладбища, ни огорода. На дворе бушевала вьюга / Outside there was no trace of the road, the graveyard or the kitchen garden, nothing but the blizzard...

Все разбежались, ни начальства, ни сестер, ни докторов / Everyone had fled – no more orderlies, no more nurses, no doctors, no one in authority.

Эффект отрицательной тотальности достигается за счет многократного отрицания в русском языке (*никто ничего не понимает*), а также за счет эллипсиса в диалогах, который помогает сгруппировать отрицательные компоненты, опустив положительные и нейтральные.

В целом, квантитативно-экзистенциальные категориальные ситуации – это бесконечное множество вариативности смысла, в котором участвуют элементы всех микрополей функционально-семантического макрополя количественности:

Там было 15 человек – нумеральность;

А народу-то, тьма тьмуца – неопределенно-большое количество;

Всё-таки мы были публикой книжной – собирательность и т.д.

Мы коснулись нулевого количества как менее исследованного сектора количественности, но, несомненно, заслуживающего пристального внимания.

Литература

Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.
Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб., 1996.

Источники

Борис Пастернак. Доктор Живаго. М., 2008.

Boris Pasternak. Doctor Zhivago / Trans. by Max Hayward and Manya Harari. London: Vintage books, 2002.

Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru

British National Corpus www.natcorp.ox.ac.uk

М.С. Ванюгина

(Череповецкий государственный университет)

ПРИСТАВОЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ВАЛЕНТНОСТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Одной из проблем, представляющих на сегодняшний день лингвистический интерес, остается проблема определения валентности глагола. Под валентностью глагола в общем смысле понимается потенциальная способность глагола вступать в синтаксические связи с другими словами в предложении благодаря наличию скрытых семантических позиций. Валентность глагола представлена в языке на разных уровнях. С.М. Кибардина вслед за С.Д. Кацнельсоном разграничивает содержательную и формальную валентность. «Содержательная валентность представляет собой явление глубинного семантического плана». «Формальная валентность представляет собой поверхностную синтаксическую интерпретацию содержательной валентности» (Кибардина 1979: 13).

Валентность глагола может носить облигаторный и факультативный характер. Понимание факультативной валентности очень противоречиво. На сегодняшний день многие исследователи придерживаются точки зрения, согласно которой факультативная валентность проявляется только в поверхностной структуре предложения, в глубинной же структуре все элементы, зависимые от глагола, являются одинаково обязательными. Однако семантическая валентность может иметь обязательный и факультативный характер насыщения на

синтаксическом уровне. Эту реализацию мы будем считать синтаксической валентностью. Под обязательными синтаксическими валентностями обычно понимают те синтаксические валентности, без которых лексема не может функционировать в предложении и при опускании которых предложение становится неполным и неграмматичным. Синтаксические валентности, присутствие которых при лексеме не обязательно и при опускании которых предложение сохраняет свою грамматичность, будем называть факультативными.

Единой методики определения валентности в настоящее время не существует. В зависимости от понимания сущности валентности разные исследователи пользуются различными категориями – формальными и семантическими. Многие лингвисты анализируют окружение глагола с помощью разного рода трансформаций. Г. Хельбиг разграничивает в предложении актанты и «свободные распространители». Он предлагает следующие критерии для разграничения актантов и «свободных распространителей»: развертывание свободных распространителей в самостоятельные предложения, вычленение свободных распространителей из предложения, изменение порядка слов, замена глагола, введение отрицания и другие трансформации (Хельбиг 1978: 33). Некоторые исследователи исходят из лексикографического толкования глагола: количество аргументов определяется, по их мнению, количеством переменных в словарном определении.

Предметом нашего исследования являются приставочные глаголы движения. Приставки, присоединяясь к глаголу движения, могут придавать ему новые оттенки значения направительного и ненаправительного характера. Состав семантических валентностей приставочных глаголов при этом не меняется. Единственным отличием является тот факт, что «у приставочных глаголов одна из валентностей – та, значение которой совпадает со значением приставки – становится центральной, сильной» (Ферм 1999: 44). Сильная валентность приставочного глагола всегда тем или иным образом известна и легко восстанавливаема из контекста, поскольку она уже заложена в самом глаголе. Все приставки, с помощью которых образуются глаголы движения, можно разделить на следующие группы: 1) приставка с сильной валентностью направления куда?: *в-, вз-, за-, до-, под-, при-, на-*; 2) приставки с сильной валентностью направления откуда?: *вы-, от-, с-, у-, раз-*; 3) приставки с двумя сильными валентностями направления – куда? и откуда?: *пере-*; 4) и наконец, приставки с сильной валентностью пути: *про-*. Для толкования всех глаголов движения необходимыми представляются валентность субъекта, начальной и конечной точек перемещения, а также валентность пути. Семантический состав переходных глаголов движения дополняется валентностью объекта. Этот набор семантических валентностей является обязательным для всех глаголов движения.

При обращении к практике, однако, мы можем заметить, что глаголы движения реализуют в тексте далеко не все семантические валентности, и далеко не всегда семантическая валентность, заложенная в приставке, находит свое выражение в тексте. Поэтому вопрос определения синтаксически обязательных и факультативных валентностей глагола остается на сегодняшний день открытым. Помощь в решении этого вопроса, на наш взгляд, может дать обращение к корпусу русского языка, работа с ассоциативным словарем, а также проведение эксперимента на порождение испытуемыми предложений с вершинными глаголами движения. Одним из критериев определения обязательных глагольных валентностей может служить предположение о том, что обязательным является тот актант, который характеризуется наибольшей частотой употребления.

Остановимся подробнее на результатах корпусного исследования. Из Корпуса русского литературного языка (www.narusco.ru) были отобраны все контексты с вершинными приставочными глаголами движения совершенного вида (194 глагола), которые затем были проанализированы на предмет выражения семантических валентностей направления куда? и откуда?. Цель исследования заключалась в следующем: проанализировать характер насыщения валентностей приставочных глаголов движения. Результаты исследования представлены в табл. 1.

С одной стороны, как показывают результаты нашего исследования, приставка действительно может предсказывать обязательную валентность глагола, хотя эта валентность и не всегда совпадает с валентностью, заложенной в значении самой приставки. С другой стороны, приставка может носить амбивалентный характер и допускать у глагола выражение как валентности направления куда?, так и валентности направления откуда?.

К числу глагольных приставок, предсказывающих обязательную валентность направления куда?, относится приставка *в-*. Приставка *в-*, присоединяясь к глаголу движения, может придавать ему значение проникновения внутрь чего-либо или помещения предмета внутрь чего-либо. Причем предполагается, что до начала движения субъект находится вблизи от конечной точки движения. Например, *Она вбежала в темный глухой пустой подъезд, когда ее схватили...* Или *Гошин чемодан в аккуратном полотняном чехле Ярополк сам внес в автобус...* Этим обусловлен и тот факт, что указание конечной точки движения находит более частое отражение в тексте. Данное предположение подтверждают и корпусные данные. Единственным примером реализации валентности откуда? при глаголах движения с приставкой *в-* в указанном значении является следующий случай: *Марина исчезла за окном. Лапшин пошел было к двери, но в это время из коридора вошел Геннадий.*

Приставка *в-* может придавать глаголу движения также значение «действия, направленного вверх на предмет». Например, *Но вот ты влез на эту именно гору, и красоты поубавилось; гора как гора.* В проанализированных нами контекстах нет ни одного случая реализации валентности откуда? указанными глаголами.

Таблица 1

**Насыщение валентностей направления и валентности пути
у приставочных глаголов движения
(по данным Корпуса русского литературного языка).**

приставка	валентность куда?		валентность пути		валентность откуда?		общее число контекстов*
	количество	в %	количество	в %	количество	в %	
в-	112	62	0	0	1	0,6	181
вз-	22	55	1	2,5	5	12,5	40
вы-	193	39	1	0,2	198	40	491
до-	50	65	0	0	4	5	77
за-	94	66	3	2	1	0,7	142
на-	12	57	0	0	2	9,5	21
от-	48	42	0	0	16	14	115
пере-	53	75	7	9	3	4	71
под-	201	63	0	0	0	0	320
при-	312	34	1	0,1	68	7	922
про-	55	29	35	18	3	1,6	191
раз-	16	40	0	0	1	2,5	40
с-	39	28	0	0	43	31	140
у-	105	28	0	0	23	6	372
Всего	1312	42	48	1,5	368	12	3123

*За 100% в каждом случае принимается общее число контекстов с вершинными приставочными глаголами движения, включая случаи нереализации при глаголе валентности направления (куда? и откуда?) и валентности пути.

Приставка *от-* многозначна. Набор обязательных и факультативных валентностей глагола движения с этой приставкой также может быть различен. Реализуя разные значения глагола, приставка *от-* может предсказывать то валентность направления куда?, то валентность направления откуда?. Среди значений, приобретаемых глаголами движения в

сочетании с приставкой *от-*, можно выделить следующие. Приставка *от-* может означать 'удаление или отдаление от чего-либо'. Например, *Он отошел от рабочего стола и сделал картинный жест рукой в сторону большого прямоугольного блюда...* При этом приставка указывает на отдаление от начальной точки движения на некоторое расстояние. Валентность направления откуда?, указывающая на начальную точку, при этом является наиболее высокочастотной.

Глаголы движения при присоединении приставки *от-* могут приобретать также значение: 'доставить что-либо куда-либо'. Особое внимание уделяется при этом новому местонахождению объекта, которое представляется наиболее актуальным в процессе коммуникации, что подтверждают и результаты исследования. Валентность направления откуда? при глаголах с указанной семантикой не находит эксплицитной выраженности. Например, *А потом их обоих в госпиталь отвезли. Или Я посуду всю на стойку отнесу, тетя Зина, чтоб не беспокоились!* Можно сделать предположение о том, что, несмотря на тот факт, что в значении приставки *от-* заложено направление движение откуда?, эта валентность является для глаголов указанной семантики факультативной.

Глаголы с приставкой *про-* представляют особый интерес. Эта приставка является единственной представительницей группы перлативных приставок, имеющих сильную валентность пути. Она придает глаголам движения значение направленности действия мимо, через или по какому-либо месту. Как показывают результаты нашего исследования, валентность пути является достаточно высокочастотной. Например, *Возле фанерной палатки, что у реки (палатка вот-вот закрывалась), я спешно выпил пива и с лёгким пивным хмелем в голове прошёл вдоль реки. Довольно часто насыщается также валентность направления куда? Например, *Бузыкин быстро провёл профессора в номер. Валентность направления откуда? оказалась эксплицитно выраженной лишь при глаголе пройти. Например, *А машину я всё-таки водить научился. Хотя отец и прогнал меня оттуда очень быстро. Из гаража. Этот факт позволяет предположить факультативный характер валентности направления откуда?.***

Приставка *вы-* носит амбивалентный характер. Анализируя глаголы движения с приставкой *вы-*, трудно сделать однозначный вывод о том, какая валентность направления является при глаголе обязательной, а какая факультативной. Особенностью всех глаголов движения с приставкой *вы-*, по мнению ряда исследователей, является тот факт, что приставка *вы-* придает им значение, сходное со значением 'изнутри-наружу'. «При перемещении в пространстве приставка *вы-* указывает на то, что X оказался в пространстве У2, внешнем и вторичном по отношению к У1» (Свеницкая 1997: 150). Однако значение 'изнутри-наружу' – это значение, во многом навязываемое контекстом. При глаголах движения с приставкой *вы-* всегда введена хотя бы одна из двух областей: либо та, где двигающийся находился в начале перемещения, либо та, где он оказывается в итоге. Эта информация вводится предположно-падежными конструкциями, наречиями или находится в ближайшем контексте. Все глаголы, проанализированные в ходе исследования, характеризуются реализацией либо валентности направления куда?, либо валентности направления откуда?. Например, *Дмитриев рывком вскочил со стула, схватил пиджаму и полотенце и, ни слова не говоря, почти выбежал из комнаты. Или, *Едва он выехал на дуг, опоясывающий холм, как тотчас же увидел лошадей Кузьмы.**

В заключение хотелось бы отметить, что глаголы движения представляют собой особую группу глаголов. Их особенность заключается в том, что число обязательных семантических валентностей, как правило, не соответствует числу обязательных синтаксических валентностей. К числу первых, как уже было отмечено выше, относятся: валентность субъекта, валентности направления (куда? и откуда?), валентность пути и валентность объекта (для переходных глаголов). Однако указанные семантические валентности не находят одновременной реализации при вершинных глаголах движения на синтаксическом уровне. Этот факт позволяет предположить, что семантические валентности

глаголов движения могут иметь на синтаксическом уровне как обязательный, так и факультативный характер выраженности.

Литература

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
- Добрушина Е.Р., Меллина Е.А., Пайяр Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство: Сборник. М., 2001.
- Ефремова Т.Ф. Толково-словообразовательный словарь русского языка. М., 2000.
- Кибардина, С.М. Основы теории валентности: Лекции: Пособие по сравн. типологии нем. и рус. яз. / Вологод. гос. пед. ин-т. Вологда, 1979.
- Степанова М.Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978.
- Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М., 2001.
- Свеницкая И. Некоторые аспекты методики исследования русских приставочных глаголов (на примере глаголов с приставкой вы-) // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997.
- Ферм Л. Выражение направления при приставочных глаголах перемещения в современном русском языке. К вопросу префиксально-предложного детерминизма. Упсала, 1990.

← Формат: Список

Е. Л. Вилинбахова

(Санкт-Петербургский государственный университет)

СКОЛЬКО ЛЕТ ЖЕНЩИНЕ БАЛЬЗАКОВСКОГО ВОЗРАСТА?

Для того, чтобы говорить о возрасте человека, необязательно указывать число прожитых им лет. В языке существуют выражения, позволяющие косвенно обозначить возраст, не называя его. Наш доклад посвящён тем из них, которые содержат имена собственные: *бальзаковский возраст*, *возраст Христа*, *возраст Джульетты*, *возраст Мафусаила* и др.

Прежде всего, встаёт вопрос, зачем эти выражения используются в речи. Вероятно, одна из причин состоит в том, что прямое указание на возраст в разговоре не всегда уместно: например, не принято интересоваться возрастом женщины, избегают говорить о количестве прожитых лет старики, а маленькие дети, как заметил Г. Крейдлин, «хотят поскорее повзрослеть и потому часто привирают, говоря о своём возрасте» (Крейдлин 1996: 211). Позволяют обойти эту щекотливую тему метафоры, а также и другие косвенные номинации. С другой стороны, выражения с именами собственными «включают» определённые коннотации, связанные с именем литературного или исторического персонажа, чей возраст послужил источником сравнения, и несут в себе дополнительное значение.

В данной статье рассматриваются выражения с именами собственными, используемые в настоящее время носителями русского языка для непрямого обозначения возраста. Учитывались не только устойчивые сочетания, зафиксированные в словарях, но и те высказывания, которые регулярно воспроизводятся в речи. Для выявления конструкций *X-ов возраст* и *возраст X-а*, где X – имя собственное, использовались поисковые системы сети Интернет, Национальный корпус (Ruscorgo) и Машинный фонд русского языка (CFRL). В результате мы получили набор выражений, из которых выбрали наиболее частотные: *бальзаковский возраст*, *возраст Бабы-Яги*, *Джульетты*, *Ромео и Джульетты*, *Христа*, *Ильи-Муромца*, *Пушкина*, *Мафусаила*, а также *возраст царя Гороха* – искажённый оборот «во времена царя Гороха». В рассматриваемых словосочетаниях нас интересовали, во-первых, их языковые стереотипы, т.е. «стандартное понимание данных выражений, включающее весь набор актуальных для говорящих коннотаций» (Клубков 2000: 224); во-вторых, некоторые особенности их употребления, в частности, выяснение того, можно ли их употреблять по отношению только к людям или также к неодушевленным предметам, и т.п.;

влияет ли мужской или женский пол персонажа на пол того, о ком говорят. Наконец, проверялось, совпадает ли исходное значение выражения с его современным пониманием и употреблением.

В нашей работе использовались материалы словарей, литературные и публицистические источники и данные экспериментов с опорой на методику И.М. Кобозевой (Кобозева 1995). Мы опрашивали две группы испытуемых, каждой из которых предлагалось выполнить по одному заданию. Первой группе требовалось дать свободную интерпретацию выражений, например: «если бы вы услышали, как кто-то сказал, что Иван – мужчина возраста Христа, что, по вашему, он имел бы в виду?». Испытуемые второй группы дополняли уже заданные предложения: «Маша – девушка возраста Джульетты, но она...». Это позволило получить противоречащие стереотипу характеристики и затем воссоздать стереотип. В каждой серии эксперимента участвовали молодые люди (18 – 26 лет) и люди среднего возраста (45 лет и старше). Были опрошены 40 человек с нефилологическим образованием, а также 10 филологов – чтобы проверить, каким образом влияет на понимание данных словосочетаний филологическая подготовка.

Пожалуй, наиболее известное из рассматриваемых выражений – *бальзаковский возраст*, возникшее после выхода в свет романа Бальзака «Тридцатилетняя женщина». В русском языке данное сочетание фиксируется в словарях. Указано, что выражение относится к периоду жизни между 30 – 40 годами, либо свыше 30 лет, и описывает именно *женский* возраст (Ушаков 1934; БТС 1998; Абрамов 1890). Подобное выражение встречается в некоторых других языках: например, в бразильском варианте португальского языка есть лексема *balzaquiana* с похожим значением, единичное употребление *femme balzaquienne* мы встретили и во французском языке. Эти обороты используются только в разговорной речи и не отмечены в словарях.

Возвращаясь к русскому варианту, отметим, что обычно это выражение употребляется о женщинах, значительно старше тридцати.

«И возраст - самый что ни на есть бальзаковский, т.к. героиня пытается закрепить за впечатление о себе, как о даме между сорока и пятьюдесятью годами». (<http://www.proza.ru/comments.html?2007/11/27/255>)

«Её излюбленное амплуа — уверенная в себе, привлекательная дама бальзаковского возраста. Лучшие свои роли актриса сыграла после сорока лет». (<http://gokino.ru/biography/person/2478/>)

«Сейчас от этого не осталось и следа, если не считать нескольких красавиц бальзаковского возраста и их не менее красивых дочерей». (Валерий Писигин. Письма с Чукотки // «Октябрь», 2001)

По данным эксперимента, реальное понимание выражения также отличается от словарных толкований. В тесте на свободную интерпретацию испытуемые приводят синонимы: «дама в возрасте», «среднего возраста», «не молодая (40 +)» и, самое распространённое толкование, «пожилая женщина». При указании определённого возрастного периода или числа прожитых лет, преобладают ответы: «за 40, 45 или 50 лет, 45-65 лет». Толкования филологов ближе к словарным определениям: «от 35 до 50 лет». Некоторые испытуемые отмечают, что это «мягкое и корректное выражение» и что говорящий «воспитанный человек». Дополняя предложение *«Хотя Марья Петровна – женщина бальзаковского возраста, она ...»*, испытуемые указывали противоречащие стереотипу черты: внешнюю привлекательность («недурна собой, ещё красива, хорошо выглядит»), молодёжный стиль одежды («джинсы, красные колготки, мини-юбки»), занятия, характерные для молодёжи («смотрит Comedy Club»).

Таким образом, можно утверждать, что границы *бальзаковского возраста* сдвинулись. Принципиально, что семантическая сочетаемость выражения не позволяет сказать *девушка бальзаковского возраста*, а только *женщина* или *дама*. Поэтому не удивительно, что при реально существующих (и воспринимаемых как правильные, нормальные) объявлениях, вроде: «Требуется девушка 25-35 лет для работы в офисе

(<http://stolbik.kiev.ua/b5149680.html>)», женщиной бальзаковского возраста могут назвать даму, которой за 40 и даже за 50.

Заметим, что Анна Ахматова также сомневалась в том, что героине Бальзака было 30 лет. «Она говорила о Бальзаке: «Он был обманут женщинами. Его увядающая «тридцатилетняя» – это, конечно же, сорока-, а то и пятидесятилетняя дама. Она (Эвелина Ганская, корреспондентка, а затем жена Бальзака – Е.В.) настаивала на том, что ей тридцать: расчет был на доверчивость великого писателя...» (Найман 1989).

Оборот *возраст Бабы-Яги* отсылает к «мифическому существу в русских народных сказках, изображаемому в виде злой и безобразной старухи-колдуньи, едущей в ступе и заметающей след помелом» (Ушаков 1934).

«Начальница отдела, Марья Ильинична Красноперова, была дама в цветущем возрасте Бабы Яги. Примерно так и выглядела, но тщательно скрывала это за модной прической, заграничным костюмом и косметикой, как у гейши».

(www.litkonkurs.ru/index.php?dr=45&tid=81345&p=45)

«До возраста Бабы-яги девочке Маше еще далеко, но морально-нравственными качествами она ей и сейчас не уступит».

(www.litportal.ru/genre15/author2321/read/page/2/book39027.html)

Испытуемые интерпретировали это выражение, как «древняя старуха; очень стара; лет за 90; за 100 лет», указывали черты внешности «дряхлая; выглядит старухой» и характера: «злая; докучает соседям; с дурным характером; вредная; вмешивается в чужую жизнь». Необычным для женщины возраста Бабы-Яги считается, если она «катается на лыжах; сама ходит в магазин; держится молодцом; следит за собой; выглядит моложе» и т. д. **Выражение указывает на определённый период жизни женщины, чаще всего и на её внешний вид и характер.**

Выражение *возраст Джульетты* произошло от имени шекспировской героини. В пьесе Шекспира Джульетте 13 лет, через 2 недели исполняется 14.

Кормилица: Четырнадцать своих зубов отдам

(Хоть жаль - их всех-то у меня четыре),

Что ей еще четырнадцати нет.

До дня Петрова сколько остается?

Синьора Капулетти: Недели две.

Кормилица: Ну вот, в Петров день к ночи

И минет ей четырнадцать годков. (Акт I, сцена 3) (Ромео и Джульетта).

Тем не менее, и в текстах, и в ответах испытуемых интерпретация «13 лет» почти не встречается. Наиболее распространены ответы 14, 15, реже 16 лет, иногда возраст Джульетты определяется как период жизни: «переходный возраст, юность, возраст до 20 лет».

«Главным оружием Sailor Moon являются не какие-то там Волшебные Лунные жезлы, Серебряные кристаллы и прочие магические прикормы, а её Любовь: ведь героине всего 14 лет – возраст Джульетты!» (<http://anime.kulichki.com/dkanime.htm>)

«Пятнадцать девичьих лет — возраст Джульетты и Наташи Ростовой. Но эта девочка-подросток вызывает совсем другие ассоциации».

(www.mk.ru/numbers/1171/article34698.htm).

Важно, что в толкованиях испытуемых, наряду с указанием возраста, проявляются коннотации выражения: «влюблённая, влюбчивая, романтическая». «Нетипичная» девушка возраста Джульетты «никого не любит; и не помышляет о любви; не столь романтична; ругается матом; далеко не нежное и наивное создание; вполне сформировавшаяся личность» и т.д.

Любопытно, что употребляется также выражение *возраст Ромео и Джульетты* (о молодых людях) при отсутствии оборота **возраст Ромео* в отношении юноши.

«СПС защищает любовь в возрасте Ромео и Джульетты».
(kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=357216&ThemesID=984)

«Лучше вспомните себя в возрасте Ромео и Джульетты. Сами же такими были!».
(www.moscowtnt.ru/instructions/know/4172.html)

«Наши родственники тогда шутили, что мы с ней находимся в возрасте Ромео и Джульетты, но в отличие от героев Шекспира не мешали встречаться».
(eg.ru/daily/football/9602)

Мы включили это выражение в анкеты, и оказалось, что для испытуемых это значит: «16-17 лет; подростки; им лет 16-19; им по 14 лет; им лет по 16», т.е. молодые люди возраста Ромео и Джульетты – ровесники, испытуемые ориентируются на возраст одного из героев. Необычным признаётся, если молодые люди возраста Ромео и Джульетты «не готовы пожертвовать всем ради любви; не страдают от несчастной любви: увлечены компьютерами больше, чем романтикой; еще совсем не задумывались о любви», т.е. наиболее значимой коннотацией оказывается «влюблённые». Эта коннотация проявляется и в толкованиях: «возраст увлечений; влюблены и готовы сделать всё друг для друга; между ними романтические отношения» и т. д.

Выражение *возраст Христа* или *Христов возраст* пришло из Библии и, хотя оно не фиксируется в словарях, имеет определённое значение: 33 года, т.е. возраст смерти Христа, и коннотацию «важный жизненный рубеж».

«8/IX. Вчера день рождения. 33 года. Собирался и хотел писать сюда о важном: возраст, болезненно переживаемый, четверть сознательного отношения к жизни, возраст Христа и т.д. Что впереди плохое и хорошее, и что плохого больше, так как хорошее не обнадёживает». (Владимир Крупин. Выбранные места из дневников 70-х годов (2004) // «Наш современник», 2004.04.15)

«Вот черт! Что-то меня на размышления потянуло, никак начал искать смысл жизни? Позновато уже. Возраст Христа я уже миновал, да вот так, незаметно. Пора подводить итоги, а искать смысл жизни теперь бессмысленно, следы его давно стерлись, растаяли». (Влада Валеева. Скорая помощь. 2002)

Иногда возможно сужение значения. Так, например, на музыкальном сайте Beatles.ru обсуждение под заголовком «27 – возраст Христа для музыканта?» посвящено причинам того, «почему наиболее талантливые, одаренные гибнут именно в 27-28 лет». В данном контексте *возраст Христа* – это «возраст смерти».

Как правило, данный оборот употребляется по отношению к мужчинам, но так говорят и пишут и о женщинах, особенно в заголовках статей: «Жанна Фриске достигла возраста Христа» (<http://www.perfectlady.ru/article-16080.html>) или «Лучшие водители – женщины в возрасте Христа» (http://www.u-mama.ru/news/read_news.php?id=92).

В большинстве случаев испытуемые правильно интерпретировали данный оборот – «33 года», также «30 с небольшим, за 30, средних лет». По-видимому, важной чертой стереотипа является зрелость, потому что необычным испытуемые признавали, если мужчина возраста Христа «ещё не остепенился; по-прежнему ведёт себя как мальчишка; живёт с мамой; довольно инфантильный; ведёт себя как школьник».

Выражение *возраст Ильи Муромца* формально имеет то же значение – 33 года, и коннотацию «переломный момент в жизни», но если для Христа 33 года – конец жизни, то для Ильи Муромца только начало. Испытуемые не всегда точно определяли возраст героя: наряду с правильным толкованием «33 года», частотны ответы: «в годах; 40-50 лет; средних лет». Образ персонажа также оказывает влияние на понимание выражения. В ответах испытуемые указывали не только количество лет, но и общее состояние того, о ком говорят: «мужчина в расцвете сил; богатырь; здоровяк» и т.д. Коннотации выражения

– «зрелость» и «хорошая спортивная подготовка»: нетипичный мужчина возраста Ильи Муромца «плохо катается на лыжах; не умеет отжиматься; не богатырь» и т. д.

Возраст Пушкина, как и возраст Христа, имеет значение «возраст смерти героя», в данном случае это 37 лет. Как и в двух предыдущих выражениях, присутствует коннотация – возраст, в котором пора подводить итоги и совершить что-то значимое. Это проявляется в ответах испытуемых: «Наш приятель достиг возраста Пушкина, но он... еще не написал своего "Евгения Онегина"; так и не сделал ничего путного в жизни; абсолютно бездарен; так еще ничего и не написал; пока не решил, чем хочет заниматься в жизни; не закончил институт». Почти три четверти испытуемых дали верную интерпретацию выражению – 37 лет, но были и другие ответы: «35, 38, под 40».

Оборот *возраст Мафусаила*, или *Мафусаилов век*, отсылает к библейскому патриарху, который прославился своим долголетием, прожив, согласно Ветхому Завету, 969 лет. Подобное выражение есть и в других языках: в немецком *ein methusalemisches Alter* шутл. «мафусаилов век, преклонный возраст; долголетие, долговечность», в английском the age of Methuselah «мафусаилов век»; в итальянском Matusalemme «Мафусаил» имеет переносное значение «глубокий старик, долгожитель». Выражение фиксируется в словарях: «*мафусаилов век* жить – жить чрезвычайно долго»; *мафусаилово долголетие* (Ушаков 1934; МАС; БТС 1998).

Испытуемые дают толкования «глубокий старик; стар-престар; столетний; перешагнувший столетний рубеж; самый старый человек; долгожитель». Нетипичным для этого возраста считается, если человек «ведёт здоровый образ жизни; совершает пробежки по парку; жив-здоров благодаря овощной диете» либо «прекрасно разбирается в компьютерах; любит подурачиться». Данный оборот оказывается аналогом выражения «возраст Бабы-Яги» для женщин, но лишён негативных коннотаций. Отдельно стоит сказать о выражении *возраст царя Гороха*, которое появилось сравнительно недавно; в высказываниях *X возраста царя Гороха* означает, что X «очень старый, древний». Это сочетание появилось в результате искажения оборота «времён царя Гороха», либо «во времена / при / до царя Гороха» – «очень давно, в незапамятные времена» либо «никогда» (Даль 1978). Интересно, что это новообразование оказывается не до конца осмысленным, в отличие, например, от сочетания *X возраста Мафусаила*. Значение исходного оборота основывается не на том, что царь Горох – глубокий старик, а на том, что его правление было очень-очень давно, если вообще было. Кроме того, по одной из версий, «в первоначальном виде оборот звучал «по-царегороцки», т.е. по-царьградски (по-константинопольски) и относится ко времени существования Византии. В разговорном обиходе это выражение изменилось в "царя Гороха". Таким образом, при царе Горохе – это во времена существования Византии, второго Рима, т.е. до возвышения Рима Третьего – Московской Руси (15-ый век). Становится объяснима и ирония «при царе Горохе» – очень давно, при старых порядках, когда московские цари были всего лишь великими князьями, подданными орды, а русских епископов назначали в Царьграде» (Subscribe.Ru).

Представляется важным, что исконный оборот влияет на употребление нового выражения. Возраста царя Гороха могут быть не только мужчины (что логично, исходя из сочетаемости остальных выражений), но и женщины, и даже вещи.

«Я слышала, что хоть там и кадры возраста царя Гороха, зато эти женщины не за деньги работают, а по призванию. Ну т.е. они любят детей»
(www.u-mama.ru/forum/messages.php?id=9464&iq=70).

«Еще одна причина — неисправность счетчиков возраста царя Гороха и недобросовестность самих жильцов» (tambov.aif.ru/issues/705/07_01?print).

«Техника у нас, как у большинства районов, старая, возраста «царя Гороха», изношенная на 80 процентов» (old.samara.ru/paper/41/5562/98106/?printable).

Мы предложили испытуемым интерпретировать предложение «этот шкаф возраста царя Гороха», и получили ответы «старый, очень старый, разваливается, древний» и т. п. Противоречие стереотипу проявляется, когда шкаф «все еще выглядит стильно; очень добротный; еще сгодится на дачу; очень прочный» Интересно, что только двое (филологи) отметили, что это неправильное выражение, и лучше сказать «времён царя Гороха».

Обобщая результаты исследования, можно утверждать, что языковые стереотипы рассмотренных выражений в большинстве случаев не зависят от возраста и пола испытуемых. Толкования филологов в некоторых случаях оказались ближе к словарным определениям, хотя и не совпали с ними полностью. Кроме того, полученные экспериментальные данные совпадают с функционированием выражений в текстах.

На основании проведённого анализа материала, подведём итоги. Во-первых, наблюдается сдвиг значения по сравнению с исходным возрастом героев в выражениях: *бальзаковский возраст, возраст Ильи Муромца, Джульетты, Ромео и Джульетты*; возникло новое, не вполне нормативное выражение *возраст царя Гороха*. Во-вторых, образ персонажа, о возрасте которого идёт речь, оказывает влияние на интерпретацию выражений. Как правило, если персонаж женского пола, то выражение используется по отношению к женщине; если герой – мужчина, то описываются мужской возраст; впрочем, выражение *возраст Христа* может характеризовать и женщин. Исключением составляет выражение *возраст царя Гороха*. В-третьих, все рассматриваемые словосочетания имеют ярко выраженные коннотации. Они имплицитно подразумевают, что у персонажа и объекта сравнения совпадает не только возраст, но и особенности внешности, характера, поведения. В противном случае, противоречащие стереотипу характеристики оговариваются особо с помощью конструкций «он X, но...; хотя он X, он...; несмотря на то, что он X, он...» и т.д. В заключение добавим, что обозначения с именами собственными активно используются и легко интерпретируются носителями языка, но сказать, сколько лет женщине бальзаковского возраста, мы можем только с позиции современных носителей языка. В будущем ответ на подобный вопрос может измениться.

Литература

- Клубков П. А. Что у голодного на языке? // Славянские чтения. Вып. I. Даугавпилс-Резекне, 2000. С. 224-229.
- Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1995. № 3. С. 102-117.
- Крейдлиг Г. Е. Стереотипы возраста // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1996. Bd. 37. С. 207-218.
- Найман А. Воспоминания об Анне Ахматовой // Новый Мир, 1989, №№ 1-3.
<http://terijoki.spb.ru/history/tpl2.php?page=naiman&lang=ru>
- Шекспир У. Ромео и Джульетта. Пер. Т. Щепкиной-Куперник. <http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=5465&page=3>
- Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 1890.
<http://slovari.yandex.ru/dict/abramov>
- Большой толковый словарь русского языка. – / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб: «Норинт», 1998.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: «Русский язык», 1978. Повторение второго издания 1880 – 1882 гг.
- Словарь русского языка в 4-х томах («МАС», Малый академический словарь). М., Русский язык, 1999. Т. 1–4.
<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
- Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. - М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935-1940 <http://www.slovari.yandex.ru/dict/ushakov>

Источники

Машинный фонд русского языка <http://cfri.ru/>

Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru>

Поисковые системы сети Интернет www.yandex.ru; www.google.com; www.rambler.ru; www.yahoo.com
Subscribe.Ru: Интересные слова и выражения <http://subscribe.ru/catalog/lit.quotation idioms>

М.В. Гаранович

(Пермский государственный университет)

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ ПОНЯТИЙ «ГЕНДЕРНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ СТЕРЕОТИП» И «ГЕНДЕРНЫЙ РЕЧЕВОЙ СТЕРЕОТИП»

Изучение гендерных стереотипов (ГС) на основе исследования языкового сознания является очень перспективным направлением в гендерной лингвистике, так как позволяет проследить движение ГС (их статику и динамику). В современной гендерной лингвистике необходимо придерживаться следующих методологических основ изучения ГС в языковом сознании носителей языка:

1. Исследование ГС, функционирующих в сознании носителей языка разного социального статуса, возраста, с разным уровнем образования и воспитания, может позволить проследить их движение и изменение.
2. В связи с обращением к исследованию различных уровней, сторон языка (лексики, фразеологии) и речи носителей языка с позиций функционирования ГС в языковом сознании необходимо произвести терминологическое уточнение и ввести два термина – *гендерный языковой стереотип (ГЯС)* и *гендерный речевой стереотип (ГРС)*.
3. *Гендерный языковой стереотип (ГЯС)* – определенные представления носителей языка о «мужественности» и «женственности», находящие свое отражение в языке (например, в лексике, фразеологии).
4. *Гендерный речевой стереотип (ГРС)* – определенный образ речевого поведения мужчин/женщин, функционирующий в языковом сознании индивидов и регламентирующий их речевое поведение.
5. Анализ реакций в ходе свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) с носителями языка делает возможным определение наиболее частотных ГС (ГЯС и ГРС), функционирующих в языковом сознании индивидов.

Исследования в области языкового сознания и функционирования в нем гендерных стереотипов должны проводиться, на наш взгляд, не только на материале словарных дефиниций и фразеологизмов, но и на материале, полученном в ходе ассоциативных экспериментов с носителями языка. Кроме того, при исследовании ГС мужественности и женственности необходимо анализировать данные, полученные на смешанных выборках и, главное, дифференцированных по полу (Горошко 2001; Кирилина 1999). Выборки же, где не произведена дифференциация информантов по полу, по нашему мнению, не отражают характерные особенности ГС, функционирующих в сознании мужчин и женщин.

В ассоциативном эксперименте, являющемся главной темой данной статьи, приняли участие 20 информантов: 10 девушек и 10 юношей (возраст 17–18 лет), проживающих на территории г. Перми и обучающихся на географическом факультете Пермского государственного университета (Гаранович 2008). Инструкция предписывала информантам ответить на вопрос: «Какие, по Вашему мнению, существуют признаки и характеристики

мужской и женской речи?» и записать в качестве ответа первые слова, которые возникают у них в ответ на этот вопрос. Количество ответов не ограничивалось.

В результате эксперимента было получено 118 ответов-реакций, характеризующих особенности мужской речи, и 152 ответа-реакции, характеризующих женскую речь. Общие реакции составили ядро ГРС, а индивидуальные – периферию. При сравнении ассоциатов, полученных от двух полярных гендерных групп, выяснилось, что ядерные признаки ГРС мужчин и женщин совпадают в женском и мужском языковом сознании. Они представлены наиболее частотными реакциями информантов и являются, таким образом, концептуальными признаками и характеристиками мужского и женского речевого поведения. «Ядерными» признаками ГРС мужчин являются: *грубость, использование ненормативной лексики, логичность повествования, уверенность, спокойствие, краткость (лаконичность)*, а «ядерными» признаками ГРС женщин оказались: *эмоциональность, жестикация, разнообразие лексики (эпитеты, метафоры, определения, синонимы и т.п.)*.

Периферийная зона ГРС мужчин и женщин в мужском и женском языковом сознании неодинакова. Именно на периферии проявляется гендерная специфика функционирования ГРС в языковом сознании индивидов (мужчин и женщин), что отражает в целом и изменения в обществе (феминизация, изменение ценностных стереотипов или установок и др.). Так, в женском языковом сознании наблюдается тенденция к «*феминизации*» собственного речевого поведения. Некоторые ответы респондентов-женщин указывают на тот факт, что женщины слишком неуверенны в своем речевом поведении и, что «*женщинам следует иногда доминировать в ходе беседы, чтобы отстоять свою точку зрения*» (жен., 17 лет). Из этого можно сделать вывод, что сегодня происходит переоценка социальной роли женщины, обусловленная общей феминизацией общества, постепенно проникающей в сознание (в том числе и в языковое сознание) женщин, и находящая свое отражение в периферийных признаках ГРС, обнаруженных в ответах информантов-женщин. Все эти изменения, бесспорно, отражаются в речи индивидов и в их представлениях о речевом поведении друг друга.

Различные ассоциативные эксперименты показывают, что в языковом сознании носителей языка функционируют не просто ГС, а *гендерные языковые стереотипы (ГЯС) и гендерные речевые стереотипы (ГРС)*. Под первым следует, на наш взгляд, понимать некий обобщенный образ мужественности и женственности в сознании носителей языка, находящий свое отражение в языке (в лексике и фразеологии). Под вторым необходимо иметь в виду некий образ речевого поведения мужчин и женщин в сознании носителей языка, регламентирующий речевое поведение индивидов. Использование родового понятия ГС при анализе данных ассоциативных экспериментов приводит к некий терминологический тупик. Дифференциация же ГС на ГЯС и ГРС позволяет методологически правильно подойти к анализу гендерной стереотипизации в языковом сознании.

Если на материале словарных дефиниций и фразеологизмов исследователи анализируют функционирование ГЯС, то на материале, полученном в ходе ассоциативных экспериментов с носителями языка, можно приблизиться к пониманию сущности не только ГЯС, но и ГРС, так как в сознании носителей языка воплощены в полной мере представления о речевом поведении как мужчин, так и женщин.

Таким образом, мы считаем, что ГЯС (представления о характере, особенностях поведения, концепты «мужественность» и «женственность») отражены во фразеологическом и лексическом фондах языка, представления же о речевом поведении индивидов – в самом сознании этих индивидов, и изучать их можно только посредством анализа ГС, функционирующих в языковом сознании носителей языка. А в качестве экспериментального инструментария для анализа ГС следует использовать такую психолингвистическую методику, как свободный ассоциативный эксперимент (САЭ), который позволяет определить общие и специфические особенности языкового сознания, а также учесть и различные социальные факторы – такие, как возраст, пол, образование, этническая принадлежность

информантов, которые в определенной степени оказывают влияние на функционирование ГЯС и ГРС в сознании носителей языка.

Литература

Горошко Е.И. Языковое сознание (ассоциативная парадигма): дис. докт. филол. наук. М., 2001.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.

Гаранович М.В. Особенности функционирования гендерных речевых стереотипов в языковом сознании мужчин и женщин // Проблемы социо- и психолингвистики. Пермь, 2008. Вып. 11. С. 142-149.

А.А. Горбов

(Санкт-Петербургский государственный университет)

ТЕОРИЯ ВИДОВЫХ ГНЕЗД: PRO ET CONTRA

Общепризнанным является тот факт, что основным средством выражения аспектуальных значений в русском языке является грамматическая категория глагольного вида, включающая в себя две граммемы – несовершенный вид (НСВ) и совершенный вид (СВ). Имеется достаточно большое количество глаголов с практически тождественным лексическим значением, отличающихся лишь грамматическими значениями НСВ и СВ и образующих видовые пары: *бросать – бросить, отдавать – отдать, переписывать – переписать* и т.д.

При этом, однако, многим глаголам НСВ можно сопоставить несколько префиксальных глаголов СВ, детализирующих значение исходного глагола, ср.: *мыть – помыть, вымыть, промыть; резать – порезать, разрезать, зарезать; рвать – порвать, разорвать, оторвать*, и т. п. Существуют также глаголы СВ (например, *разбить, съесть*), для которых имеется по два соотносительных глагола НСВ, в результате чего образуются так называемые видовые тройки (*бить – разбить – разбивать, есть – съесть – съесть*).

Приведенные факты, по мнению некоторых современных аспектологов, свидетельствуют о справедливости утверждения о том, что в выражении аспектуальных отношений в русском языке значительное место занимают более сложные, чем видовые пары, группировки глаголов. Так, Лора Янда, американская исследовательница, работающая в настоящее время в университете Тромсё (Норвегия), полагает, что в традиционной модели видовых пар не различаются различные типы перфективов и игнорируется принадлежность глаголов к более крупным, чем видовые пары, группировкам аспектуально соотнесенных форм (Janda 2007). Исходя из этого, взамен традиционной модели видовых пар Л. Янда предлагает новую теоретическую модель описания аспектуальной системы русского глагола, названную ею “Aspectual Cluster Theory”, или «модель видовых гнезд» (Janda 2007, Янда 2008). В данном сообщении кратко рассматриваются основные положения этой модели, ее преимущества и недостатки.

Модель видовых гнезд, учитывающая, по мнению Л. Янды, все аспектуальные соотношения как между глаголами НСВ и СВ в составе видовых пар, так и между различными типами производных перфективов в русском языке, строится на материале двух баз данных, в которых были собраны группировки глаголов, называемые гнездами. Как отмечает исследовательница, «совокупность структур видовых гнезд в этих двух базах данных почти идентична» (Янда 2008: 7). Одна из этих баз данных, так называемая «педагогическая», имеется в свободном доступе в сети Интернет (http://hum.uit.no/lajanda/CLUSTERS_ALL.pdf). Она состоит из 266 «исходных» и всех производных от них глаголов, имеющихся в двух изданных в США учебниках русского

языка как иностранного (*Nachalo 1, 2 и V puti*). В последующем изложении используются примеры глаголов из данного источника.

Как следует из названия теоретической модели, основным ее понятием является понятие «аспектуального кластера», или «видового гнезда». Видовым гнездом называется «группа глаголов, объединенных соотношениями на основе аспектуальной деривационной морфологии» (Янда 2008: 7). Видовое гнездо включает в себя исходный глагол (“Activity verb”) и все его дериваты, которые, как полагает автор, «характеризуются видовым отношением к одной лексеме» (Янда 2008: 8). Гнездо может содержать следующие типы глаголов: исходный имперфектив (“Activity”), естественный перфектив (“Natural Perfective”), специализированный перфектив (“Specialized Perfective”), производный (вторичный) имперфектив (“Derived Imperfective”), комплексный перфектив (“Complex Act Perfective”) и одноактный перфектив (“Single Act Perfective”). Однако далеко не каждое гнездо содержит все эти компоненты, и, как отмечает Л. Янда, в реальности встречаются далеко не все теоретически возможные комбинации выделенных ею типов глаголов.

Точных определений каждого из перечисленных типов глаголов Л. Янда не дает. В работах автора приводятся лишь примеры и приблизительные описания свойств четырех типов перфективов; описания же свойств имперфективов, в том числе исходных, полностью отсутствуют.

Приведем описания свойств перфективов с полным набором иллюстративных примеров автора.

Естественный перфектив (*написать, связать, о(б)щипать, окрепнуть*), «обыкновенно выражает результат действия, описанного соответствующим глаголом несовершенного вида, хотя некоторые из них выражают пунктуальное достижение, как *увидеть*. Вторичных имперфективов у естественных перфективов обычно не наблюдается» (Янда 2008: 8).

Специализированные перфективы (*переписать, развязать, переработать, вдуть, выщипать*) «являются видовыми родственниками соответствующим имперфективам *писать, вязать, работать, дуть и щипать*», но в данном случае наблюдается «значимый семантический сдвиг» (Янда 2008: 8). Автор отмечает, что от специализированных перфективов обычно образуются вторичные имперфективы, например, *переписывать, развязывать, перерабатывать, вдувать, выщипывать*. Кроме того, от таких вторичных имперфективов часто можно образовать «комплексные перфективы», например, *попереписывать*. Когда речь идет о том, что структура видового гнезда включает в себя специализированный перфектив, имеются в виду все содержащиеся в кластере специализированные перфективы, которых может быть несколько (иногда более 10), и все образованные от них вторичные имперфективы и комплексные перфективы (Янда 2008:9).

Комплексные перфективы (*пописать, подуть, пощипать, поскрипеть*) обозначают «...ограниченное действие. У комплексных перфективов чаще всего встречаем приставки *по-, про-, за-, и от-*. В одном гнезде часто можно найти даже несколько комплексных перфективов, как например, у глагола *плакать*: *заплакать, поплакать, проплакать*». (Янда 2008: 9). Вторичные имперфективы от комплексных перфективов «обыкновенно не образуются» (Там же).

Одноактные перфективы (*дунуть, щипнуть, скрипнуть*) описывают «один цикл из повторного действия» (вероятно, имеется в виду цикл многоактного действия – А.Г.). Л. Янда указывает, что в гнезде обычно не бывает более одного одноактного перфектива, причем вторичный имперфектив от него не образуется. Чаще всего одноактные перфективы имеют суффикс *-ну-*, но иногда они образуются при помощи приставки, например, *сходить* (в особенности это касается глаголов движения). (Янда 2008: 9, 10).

По мысли автора концепции, «четыре типа перфективов мотивируются тремя метафорами. Все три метафоры являются ... вариантами общей метафоры ВРЕМЯ – ЭТО ПРОСТРАНСТВО... Эти метафоры предсказывают структуру видовых гнезд» (Янда 2008: 10).

Первая метафора уподобляет совершенный вид дискретному твердому телу, а несовершенный вид аморфному веществу.

Для различения выделяемых автором типов перфективов используется вторая метафора, уподобляющая семантическую оппозицию «завершаемость – незавершаемость» противопоставлению направленного «передвижения» (“travel”) ненаправленному «движению» (“move”). Данное противопоставление иллюстрируется примерами *Профессор пишет статью* (завершаемость) и *Профессор работает в университете* (незавершаемость), из чего можно сделать вывод о том, что речь здесь идет об известной в современной лингвистике, по крайней мере, со времени статьи Говарда Гэрея (Гэрей 1962) оппозиции «целевых» (“telic”) и «нецелевых» (“atelic”) глаголов в смысле соотношенности/несоотношенности действия с конечным пределом, т.е. предельности/непредельности (в отечественной литературе понятие предельности/непредельности впервые описано в работе Холодович 1963). Как отмечает Л. Янда, «не-/завершаемость является частью лексического значения каждого глагола», позволяющей предсказывать наличие тех или иных перфективов в его видовом гнезде. Естественные перфективы имеются только в гнездах тех глаголов, которые толкуются как завершаемые. Комплексные перфективы, наоборот, присутствуют только в гнездах глаголов, выражающих незавершаемость. В видовых гнездах глаголов, неоднозначных по завершаемости/незавершаемости, могут присутствовать как естественные, так и комплексные перфективы (Янда 2008: 12).

Третья метафора уподобляет оппозицию «одноактности/неодноактности» противопоставлению гранулированных веществ (песок) жидкостям (вода). Эта метафора применяется только в отношении глаголов, выражающих незавершаемость, которые толкуются как метафорические вещества. В качестве примеров приводятся глаголы *чихать* и *работать*. Действие, обозначаемое глаголом *чихать*, метафорически уподобляется гранулированному веществу, поскольку оно состоит из серии повторяющихся событий, каждое из которых можно обозначить одноактным перфективом *чихнуть*. Поскольку глагол *работать*, по мнению Л. Янды, «воспринимается как метафорическая жидкость», семельфактивного глагола **работнуть* не существует.

Ниже приведен пример видового гнезда, содержащего все выделенные автором типы глаголов (http://hum.uit.no/lajanda/CLUSTERS_ALL.pdf)¹

Структура видового гнезда максимального объема

Исходный НСВ	Естественный перфектив	Специализир. перфектив	Вторичный имперфектив	Комплексный перфектив	Одноактный перфектив
резать	вырезать	врезать вырезать зарезать изрезать надрезать обрезать перерезать разрезать	врезАть вырезАть зарезАть изрезАть изрезывать надрезАть надрезывать обрезАть обрезывать перерезАть перерезывать разрезАть разрезывать	порезать	резануть

Представляется, что данное выше описание концепции позволяет получить о данной теории общее представление, которое может служить основанием для обсуждения

теоретической базы и результатов практического применения модели видовых гнезд, а также оценки ее достоинств и недостатков.

Несомненным плюсом аспектуально-деривационного подхода к анализу глагольной лексики является возможность описания всех словообразовательных моделей глаголов, связанных с их аспектуально-семантическими характеристиками. Результатом могло бы явиться составление сводной таблицы аспектуально значимой глагольной деривации в русском языке, где были бы учтены все реализованные и нереализованные возможности системы, что давало бы возможность прогнозировать и объяснить появление в разговорной речи новообразований, ранее не зафиксированных в словарях. Кроме того, такая «периодическая таблица элементов» позволила бы объяснить возможность или невозможность применения некоторых деривационных моделей исходя из аспектуального потенциала исходных глаголов. Некоторые закономерные соотношения между разными типами производных глаголов были установлены и объяснены на основе данной модели уже в ее ныне существующем виде. В частности, выполняются следующие закономерности: если в гнезде имеется семельфактив (например, *дернуть*, *чихнуть* и т. п.), то в этом же гнезде обязательно присутствует комплексный перфектив (*подергать*, *почихать* и т.п.); кроме того, в гнездах так называемых «двувидовых» глаголов (*аннулировать*, *популяризировать*), не может быть семельфактивов (Янда 2008: 17).

Однако теоретическая база, на основе которой реализуется такая в целом перспективная идея, вызывает серьезные возражения.

Весьма спорными кажутся утверждения автора рассматриваемой концепции о том, что структура аспектуальных кластеров (гнезд) мотивируется метафорами. Представляется, что речь здесь может идти лишь о более или менее точно подобранных аналогиях, позволяющих наглядно представить суть явлений из области грамматической семантики, но никак не о первичности именно этих метафор по отношению к аспектуальным отношениям. Иными словами, теория метафор является не базисом, а, скорее, легко отделимой надстройкой модели видовых гнезд. Вопрос о том, насколько убедительными являются доказательства предсказуемости структуры гнезд на основе трех изложенных выше метафор, может служить темой отдельного обсуждения.

В данном сообщении обратим внимание на три основные проблемы, связанные собственно со структурой видовых гнезд.

Одной из главных особенностей изложения автором теоретических положений модели видовых гнезд является отсутствие точных определений основных типов глаголов, и, в особенности, исходного глагола, естественного и специализированного перфективов. Между тем, отсутствие определения исходного глагола приводит к неопределенности границ между разными гнездами, а отсутствие четкого истолкования понятий «естественный перфектив» и «специализированный перфектив» – помимо упомянутого, еще и к неясности критериев различения этих типов глаголов.

Проблема 1. Выбор исходного глагола НСВ («Activity»). Логично предположить, что, если глаголы объединяются в группы «на основе деривационной морфологии», мы должны иметь дело со словообразовательными гнездами, где в качестве исходных выступают непроизводные глаголы. С другой стороны, согласно рассматриваемой концепции, в качестве исходного должен выступать именно имперфектив. Во многих случаях, когда имеется непроизводный глагол НСВ (*ждать*, *читать*, *печь* и т.п.), это действительно так. Однако если производящим является глагол СВ, либо имеет место явление супплетивизма, возникает противоречие. Поскольку требование имперфективности исходного глагола, по-видимому, сильнее требования его непроизводности, среди «исходных» глаголов находим также значительное количество производных (74 из 266 глаголов «activity» «педагогической» базы данных, т.е. около 28%), например, *воспитывать*, *зablуждаться*, *скачивать* и другие, которые, исходя из приведенных рассуждений, должны были бы находиться, соответственно, в гнездах с исходными имперфективами *питать*, *блуждать* и *качать*. Можно предположить, что автор считает глаголы *воспитывать*, *зablуждаться* и *скачивать* никак

семантически не связанными с глаголами *питать*, *блуждать* и *качать* соответственно, однако в таком случае непонятны причины нахождения, например, глаголов *застать* и *отстать* в одном гнезде с «исходным» глаголом *становиться*, поскольку семантическая связь в синхронном плане здесь также практически отсутствует. Таким образом, основания, по которым автор выбирает в качестве исходного тот или иной глагол НСВ, остаются неясными.

Проблема 2. Неопределенность понятия «естественного перфектива». Уже при беглом просмотре базы данных видовых гнезд возникает вопрос об основаниях выбора естественных перфективов (см. также приведенный выше образец видового гнезда, где в качестве «естественного перфектива», соответствующего исходному глаголу *резать*, выступает глагол *вырезать*). Исходя из данного автором и приведенного выше описания свойств естественных перфективов, можно предположить, что под «естественными перфективами» понимаются глаголы СВ, образующие чистые видовые пары с глаголами НСВ, выбранными в качестве исходных. Действительно, дело обстоит именно так в тех случаях, когда исходные глаголы бесспорно имеют парные глаголы СВ (например, естественными перфективами для глаголов *брать*, *бросать*, *видеть*, являются соответственно глаголы *взять*, *бросить*, *увидеть*). Однако если ввиду многозначности или омонимии парный по виду глагол однозначно не определяется (как в случае с глаголом *резать*), выбор естественного перфектива оказывается весьма сомнительным (ср. *взвесить* для *вешать*, *заблудиться* для *заблуждаться*, *изготовить* для *готовить* и др.).

Проблема 3. Неопределенность понятия «специализированного перфектива». Из описания свойств глаголов данного типа неясно, что понимается под «видовым родством», и каков порог «значимости» требуемого семантического сдвига. На деле в группе специализированных перфективов оказываются глаголы с любыми перфективирующими префиксами, вне зависимости от типа семантического сдвига, композициональности или идиоматичности результирующих морфемных комплексов. Например, к специализированным перфективам гнезда с исходным глаголом *бить* на равных основаниях относятся как глаголы *вбить*, *пробить* (обозначающие действия, прямо связанные с нанесением ударов, т.е. «битьем»), так и глаголы *перебить* (с переводом на английский язык ‘interrupt’) и *убить* (‘kill, murder’), значения которых полностью идиоматичны. Кроме того, глагол *убить* представлен в базе данных второй раз в отдельном гнезде с исходным глаголом *убивать*, а отдельное гнездо для пары *перебивать/перебить* отсутствует. Аналогичная ситуация имеет место, например, в отношении идиоматичных сочетаний различных префиксов с корнем *-ста-* (глаголы *застать* и *отстать*, согласно базе данных, являются «специализированными перфективами» гнезда с исходным глаголом *становиться*, тогда как *достать*, *перестать* представлены в отдельных гнездах (с исходными глаголами *доставать* и *переставать* соответственно), а глагол *встать* (в одном и том же значении ‘get up, rise’ одновременно является и «специализированным перфективом» гнезда *становиться* и образует отдельное гнездо с исходным глаголом *вставать*. Сказанное касается и других приставочных глаголов с высокой степенью идиоматизации значения.

Поскольку «видовое гнездо» определяется как «группа глаголов, объединенных соотношениями на основе аспектуальной деривационной морфологии», необходимо уточнить, какие именно словообразовательные модели следует считать аспектуальными. С одной стороны, присоединение любого префикса к любой беспрефиксной глагольной основе ведет, среди прочего, к обязательной перфективации этой основы (за исключением некоторых случаев приставочных образований от заимствованных основ типа *дисквалифицировать*). С другой стороны, однако, простое отражение этого факта в структуре каждого аспектуального гнезда представляется малоинформативным с точки зрения аспектуальной семантики, поскольку помимо перфективации присоединение префикса к глагольной основе в большинстве случаев дает идиоматический комплекс, соотношение значения которого со значением производящей основы никак не связано с

аспектуальностью. В результате вопрос о том, в чем конкретно заключается аспектуальная специализация «специализированных перфективов», остается без ответа.

В связи с изложенным следует отметить, что проблем с отнесением глаголов к остальным трем типам – вторичным имперфективам, комплексным и одноактным перфективам (комплексными перфективами Л. Янда называет глаголы ограничительного и длительно-ограничительного способов действия, одноактными перфективами – глаголы однократного, или одноактного способа действия) не возникает как раз потому, что основы этих глаголов являются продуктом регулярного образования с полной аддитивностью (т.е. неидиоматичностью) значений составляющих.

Таким образом, главным достоинством идеи создания модели аспектуальных кластеров является возможность описания всех словообразовательных возможностей глаголов с учетом их аспектуально-семантического потенциала. Однако концепция видовых гнезд в ее нынешнем виде имеет ряд весьма существенных недостатков.

Для устранения имеющихся проблем необходимо:

а) дать четкое определение понятиям исходного глагола, «естественного перфектива» и «специализированного перфектива»;

б) при отнесении глаголов к кластерам учитывать омонимию и полисемию глаголов, поскольку омонимичные глаголы и разные значения одного глагола часто имеют различный аспектуально-семантический и деривационный потенциал; это позволило бы, например, учесть различие аспектуальных потенциалов глаголов *перебить (всю посуду)* и *перебить (он не дал мне договорить и перебил меня)*;

в) если речь идет о видовых парах, пользоваться разработанными критериями их определения (например, критерием видовой коррелятивности, предложенным Ю.С. Масловым (см. Маслов 1948/2004), с некоторыми коррективами, предложенными Н.В. Перцовым (см. Перцов 2001: 124-128), и устранить таким образом сомнительные пары типа *заблуждаться – заблудиться*;

г) отказаться от отнесения к «специализированным перфективам» глаголов, основы которых представляют собой идиоматизированные морфемные комплексы, что позволило бы, например, избежать отнесения таких глаголов, как *застать* и *отстать* к гнезду семантически не связанного с ними глагола *становиться*.

Следует также отметить, что в русистике детально разработано учение о способах действия (СД) как аспектуально-семантических модификациях исходного глагола, обязательно выражаемых формальными средствами – префиксами и суффиксами (см., например, Русская грамматика 1980: 596-604; Зализняк, Шмелев 2000: 104-127)², на которое можно было бы опираться при выделении специализированных перфективов. Важным свойством способов действия является сочетание аспектуальной семантики с достаточной регулярностью выражения и аддитивностью значений формантов.

Примечания

¹ Отличия от первоисточника: 1) не приведены переводы глаголов на английский язык; 2) ударный суффикс -А- вторичных имперфективов выделен заглавной буквой.

² Впрочем, помимо такой «словообразовательно-модификационной» трактовки имеется и более широкая, «аспектуально-семантическая» трактовка, согласно которой СД могут быть и морфемно нехарактеризованными (см., например, Шелякин 2008: 123-167), однако и в рамках такой концепции выделяется группа морфемно характеризованных СД, где аспектуальные значения выражены деривационными средствами.

Литература

- Зализняк Анна А., А.Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
Гэрей Г. Б. Глагольный вид во французском языке // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 345 – 354.
Маслов Ю.С. (1948/2004) Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 71 – 89.
Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
Русская грамматика. Т. I. М., 1980.

- Шелякин М.А. Категория аспектуальности русского глагола. М., 2008.
- Янда Л. Место двувидовых глаголов в модели видовых гнезд // <http://hum.uit.no/lajanda/mypubs/Mesto%20dvuvidovyx%20dblsp.doc>
- Холодович А.А. О предельных и непредельных глаголах (по данным корейского и японского языков) // Филология стран Востока. Изд. ЛГУ, 1963, № 14.
- Janda Laura A. "Aspectual Clusters of Russian Verbs". Studies in Language, vol. 31:3, 607-648. 2007.
- Педагогическая база данных видовых гнезд: http://hum.uit.no/lajanda/CLUSTERS_ALL.pdf

Е.В. Горбова

(Санкт-Петербургский государственный университет)

ОТ АНТОНИМИИ ДО СИНОНИМИИ СВ И НСВ РУССКОГО ГЛАГОЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)*

0. Статья базируется на эксперименте, в ходе которого информантам-носителям русского языка (45 участников) было предложено указать (одну или более чем одну) приемлемую с их точки зрения в данном контексте видовременную форму глагола. Анализ выявляет два полюса: полной предсказуемости видовременной формы и вариабельности. Анализируются как крайние значения выбора, так и промежуточные случаи с точки зрения его обусловленности имеющимся контекстом и стратегиями взаимодействия граммем и контекста в русском языке.

0.1. Исходная гипотеза: эксплицитный лингвистический контекст в рамках высказывания (фрагмента текста) однозначно определяет выбор видовременной глагольной формы (далее – ВВГФ).

0.2. Описание эксперимента

Эксперимент – множественный выбор видовременной глагольной формы в заданном контексте – проводился в письменной форме. Информантам была дана следующая инструкция: *Подчеркните наиболее адекватную, с Вашей точки зрения, в данном контексте глагольную форму из предложенных в скобках. Если, по Вашему мнению, в этом контексте возможно употребление более чем одной формы (например, с несколько отличными друг от друга смыслами), подчеркните их и пронумеруйте в порядке убывания приемлемости (1, 2 и т.д.). Если, например, две формы представляются одинаково приемлемыми, снабдите их одинаковыми номерами (два раза 1, или 1, а потом два раза 2).* Ниже предлагались 40 фрагментов текста, содержащих левый и правый контекст (в двух фрагментах было по две лакуны, итого – 42 лакуны для заполнения). Тексты представляют собой переводы на РЯ испаноязычной беллетристики XX века. Предложенные претеритальные и презентные видовременные формы русского глагола являлись, по крайней мере, квазивидовыми парами (т.е. функциональными видовыми парами; отступлением от «классических» видовых пар являются введенные в качестве вариантов для выбора делимитативы, пердуративы и инцептивны). Приведем в качестве иллюстрации два фрагмента:

- Это Инес нашла тетрадь и маленькую пулю, завернутую в кусок газетной бумаги. Она (*складывала, сложила, складывает*) серый пиджак, чтобы положить его в сундук, когда обнаружила под подкладкой какую-то твердую и гладкую поверхность, а затем, продолжая ощупывать, еще и сверточек, такой маленький, что сначала ее пальцы не могли прощупать его в той складке, где он находился.
- Хосефино открыл рот, но ничего не сказал. Несколько секунд он (*моргал, поморгал, моргает*), со смущенной и апатичной улыбкой, кривившей все его лицо. Потом мягкими движениями начал потирать руки.

Переводной характер материала был мотивирован одной из задач более широкого компаративного исследования на материале испанского и русского языков; ранее эксперимент с теми же 40 фрагментами, но в их оригинальном виде, был проведен с носителями испанского языка для исследования специфики функционирования видовременных форм испанского глагола.

Информантами послужили 45 студентов-романистов 1 курса, являющихся носителями русского языка; и – вторая группа информантов – участники аспектологического семинара (6 человек), студенты и аспиранты-филологи разных курсов (материнским языком одного из участников является японский). В дальнейшем будут учитываться исключительно данные по первой группе информантов (45 человек).

1. Полученные результаты

При анализе ответов информантов в первую очередь было обнаружено, что с достаточной четкостью выявляются два типа решения при выборе видовременной формы глагола, которые условно обозначим как:

1. уверенный выбор (результаты в диапазоне от 83 до 100% относительно одной из ВВГФ), реализованный в 18 случаях из 42 (44%) – предсказуемость граммем(ы) и
2. отсутствие явного предпочтения, оказанного одной из ВВГФ (результаты колеблются от пропорции 18 на 82% до 50 на 50% относительно двух ВВГФ), реализованный в оставшихся 23 контекстах (56%) – относительно равная возможность использования граммем(ы) в заданном контексте¹.

В (Маслов 1984/2004: 96-111) среди типов видового противопоставления граммем СВ и НСВ выделяются как их антонимия (с внутренним подразделением на последовательную, непоследовательную и относительную, приравниваемую к конкуренции), так и синонимия (синонимическая конкуренция). Результаты проведенного эксперимента подтверждают утверждения Ю.С. Маслова: тип 1 в решениях испытуемых, обнаруживающий дополнительную дистрибуцию относительно окружения, может быть сопоставлен с (последовательной) антонимией видовых граммем русского языка; тип 2, характеризующийся появлением в одном и том же окружении двух различных единиц, по-видимому, дает основания для постулирования разных видов отношений между граммемами – от непоследовательной антонимии до синонимии.

В (Поливанова 1985/2008: 71-73) утверждается, что переход к видовому корреляту (от некоторого реального русского предложения П к результату видовой замены П*) может иметь один из трех исходов:

- при недопустимости замены (П* оказывается неправильным предложением) – «контекстный контроль»;
- при допустимости замены (П* является правильным предложением):
 - o видовые корреляты П и П* имеют разный смысл – «контраст»;
 - o видовые корреляты П и П* имеют одинаковый смысл – «конкуренция».

Как можно видеть, схема отношений между граммемами русской аспектуальной оппозиции, предложенная Ю.С. Масловым, и схема исходов при взаимозамене НСВ и СВ, принадлежащая А.К. Поливановой, обнаруживают некоторую аналогию. Более того, полученные в рамках эксперимента результаты могут быть интерпретированы в рамках и той, и другой. Однако примечательным является сильное расхождение полученных количественных данных с таковыми из (Поливанова 1985/2008: 73): если в (Поливанова 1985/2008) соотношение между «контекстным контролем» (недопустимость замены) и

«контрастом» и «конкуренцией» вместе взятыми (допустимость замены) составляет 90 на 10%, то в рамках обсуждаемого эксперимента – 56 на 44%.

1.1. Задачами дальнейшего анализа полученного материала являются:

- выявление особенностей окружения аспектуальных граммем, обуславливающих как их дополнительное распределение относительно заданного контекста (антонимию), так и их синонимию;
- определение типа стратегии взаимодействия граммемы и контекста как при антонимических отношениях граммем, так и при их синонимии в соответствии с типологией, предложенной в (Горбова 2007);
- соотнесение полученных результатов с положениями гипотезы видового согласования и результатами исследования языкового материала, представленными в (Поливанова 1985/2008).

В данной статье будет представлено решение поставленных задач не на всем полученном материале, а на его части. Мы ограничимся анализом взаимоотношений аспектуальных граммем, сосредоточив внимание на плане прошедшего. Анализ взаимоотношений претеритального и презентного НСВ остается за рамками данного этапа работы.

1.2. Рассмотрим вначале 1-ый тип, обозначенный выше как (последовательная) антонимия СВ/НСВ («контекстный контроль»). Прежде всего, следует отметить, что информант в каждом случае должен был осуществить двоякий выбор: а) относительно аспектуальной граммемы (СВ/НСВ) и б) относительно темпоральной граммемы (презентс/претерит для НСВ). В части случаев при наличии альтернативы СВ/НСВ сутью выбора оказывалось не достижение/недостижение предела (как, например, *прочитал – читал* (книгу)), а оказание предпочтения эксплицированию двусторонней ограниченности (СВ) или ее отсутствию (НСВ) у неопредельной ситуации (напр., *помяла – мяла* (плюшевого мишку)). Следовательно, каждый раз при анализе ответов информантов и роли элементов окружения ВВГФ в осуществлении выбора обрисованный анализ должен осуществляться дважды – относительно темпоральности и аспектуальности. В соответствии с принятым выше ограничением, в рамках данного сообщения анализ будет проводиться только относительно аспектуальных граммем в плане прошедшего времени.

1.2.1. В полученном материале (группа с уверенным выбором граммемы) можно выделить две подгруппы по отношению к признаку наличие/отсутствие в окружении эксплицитных элементов контекста, «катализирующих» употребление аспектуальной граммемы:

- ❖ наличие в контексте «катализатора»² граммемы;
- ❖ отсутствие в контексте «катализатора» граммемы (частный случай – нулевой контекст).

В свою очередь при положительном значении обозначенного признака возможна дополнительная классификация в соответствии с типом фактора («катализатора»), обуславливающего реализацию граммемы. В итоге получаем следующую классификацию:

1) наличие в контексте «катализатора» граммемы:

- а) присутствие в левом контексте лексических «катализаторов» с семантикой имперфективности (предлогов (типа *в течение* или *на протяжении* + ИГ с семантикой неограниченной множественности), союзов (*пока*), частиц (*(все) еще*), обстоятельств (*долго*)), см. (1), (2), (3), (4), (5);
- б) присутствие в левом контексте лексических «катализаторов» с семантикой перфективности (не реализовано в материале);

2) отсутствие в контексте эксплицитного «катализатора» граммемы (6) или его амбивалентность относительно обоих членов противопоставления (типа *некоторое время, все это время*), см. (7), (8).

- (1) Было время, когда **в течение многих ночей** я (*слышал^{НСВ}, услышал^{СВ}, слышу*) шум праздника. Звуки доходили до меня даже в Медия Луна. (45/0/0)³
- (2) Я сижу около канавы и дожидаюсь, когда покажутся лягушки. Вчера, **пока** мы (*ужинали^{НСВ}, поужинали^{СВ}, ужинаем*) они подняли ужасный шум и не прекращали свои песни до самого рассвета. (45/0/0)
- (3) Некоторые из нас **еще** (*ждали^{НСВ}, подождали^{СВ}, ждут*), что, может, он еще вернется, что придет день, и он объявится, чтобы снова поднять нас на борьбу; но потом устали мы ждать. (45/0/0)
- (4) - Ты что, (*плакала^{НСВ}, поплакала^{СВ}, заплакала^{СВ}, плачешь*)? Глаза как будто покраснели.
Хулита делает гримаску.
- Нет, мама, я просто **долго** (*думала^{НСВ}, подумала^{СВ}*). (44/0)
- (5) - Говорил ты это потому, что **на протяжении нескольких дней** ты (*видел^{НСВ}, увидел^{СВ}, видишь*) этого солдата. Ты столько на него глядел, что он тебе теперь как родной стал. (42/1/15)
- (6) И я уж (*снял^{НСВ}, снял^{СВ}, снимаю*) засов с ворот, когда увидел, что хозяин, дон Хусто, выходит из надстройки со спящей барышней Маргаритой на руках и идет через двор, не замечая меня. (29/40/2)
- (7) (**Некоторое время**) они (*спорили^{НСВ}, простили^{СВ}, спорят*), размахивая руками и переругиваясь, и наконец, он их убедил, и все вслед за ними вступили в заросли кустарника, покрывавшие остров. (45/7/1)
- (8) Я вам скажу одну вещь, – заявил Литума, – с путешествиями для меня покончено. **Все это время** я (*думал^{НСВ}, продумал^{СВ}, думаю*) и осознал, что невезенье привязалось ко мне из-за того, что я не остался на своей земле, как вы. Хотя бы это я заучил: хочу умереть здесь. (44/3/1)

Относительно стратегии взаимодействия контекста и аспектуальной граммемы можно отметить следующее. При эксплицитном присутствии аспектуально значимого элемента контекста («катализатора») реализуется партнерский сценарий взаимодействия граммемы и контекста в одном из двух его подвидов: семантическое дублирование (см. (1-5)) или индифферентность контекста (7, 8).

Примечателен тот факт, что в рамках 1-ой группы, характеризующейся уверенным выбором одной из предложенных ВВГФ, соотношение случаев с наличием и отсутствием эксплицитного лексического «катализатора» аспектуальной граммемы – 39 на 61% (в абсолютных цифрах – 7 на 11). Это означает, что более чем в двух третях случаев информант не мог воспользоваться «подсказкой» контекста и вынужден был осмыслить всю полипредикативную ситуацию для принятия решения (см. (9), (10)). При этом, напомним, колебаний в выборе именно в этой группе примеров (практически) не было.

- (9) Мне тогда только что исполнилось одиннадцать лет, и вот однажды вечером, покормив скотину и заперев на засов входную дверь, он сел напротив меня и отодвинул книгу, которую я (*читал^{НСВ}, прочитал^{СВ}, читаю*), чтобы посмотреть мне в глаза. (45/3/2; выбор *читал^{НСВ}* как единственно возможный – 41, выбор *прочитал^{СВ}* как единственно возможный – 0, в рамках комбинации *читал^{НСВ}-прочитал^{СВ}* – 2, в

рамках комбинации *читал - читаю* – 1, в рамках комбинации *читал-прочитал-читаю* – 1)

- (10) И вот уже, как тогда полагалось, был выставлен на всеобщее обозрение сундук с приданным в доме невесты, а Мануэль почти каждый вечер принимал у себя портного, который (*шил^{НСВ}, сшил^{СВ}, шьет*) ему фрак. (44/8/5; выбор *шил^{НСВ}* как единственно возможный – 34, выбор *сшил^{СВ}* как единственно возможный – 0, выбор *шьет* как единственно возможный – 1, в рамках комбинации *шил^{НСВ}-сшил^{СВ}* – 6, в рамках комбинации *шил-сшил-шьет* - 2)

В случаях такого рода особенно ярко реализуется дискурсивная роль русской аспектуальной оппозиции и ее таксисная функция в сфере финитных форм. Решение принимается с учетом возможного и, что особенно важно, наиболее естественного соотношения референтов обозначенных глагольными формами ситуаций, причем одной из важнейших альтернатив является следующая: последовательность секвентных событий – их (полная или частичная) одновременность (при одновременности секвентность может отсутствовать). Факт наличия в группе последовательной антонимии СВ/НСВ («контекстный контроль» по А.К. Поливановой) доли случаев с отсутствием эксплицитного аспектуального «катализатора», в полтора раза превышающей долю с присутствием такового, заставляет либо признать, что в ходе анализа не были обнаружены контекстные «катализаторы» аспектуальных граммем и с большим вниманием отнестись к их вычленению, либо отказаться от гипотезы видового согласования, согласно которой «любое предложение, содержащее видоопределенную словоформу, которую нельзя заменить на существующую противоположную ей по виду форму без нарушения правильности всего предложения, содержит в контексте некоторые видовые согласователи, совместимые с данным членом видовой оппозиции и антагонистичные противоположному члену» (Поливанова 1985/2008: 77 (сноска 8)).

Факт наличия в группе примеров с уверенным выбором ВВГФ значительной доли (около 2/3) фрагментов текста с отсутствием «катализатора» аспектуального выбора свидетельствует о том, что эта группа не находится в полном соответствии с исходом «контекстный контроль». Т.е. не обнаруживается двусторонней корреляции между наличием в окружении граммы «видовых согласователей» («катализаторов» в принятой здесь терминологии) и невозможностью взаимозамены видовых граммем.

Эти же случаи служат своего рода переходом к материалу, выделенному во 2-ую группу (с отсутствием явного предпочтения в выборе граммы), в рамках которой при тех же условиях отсутствия «катализатора» аспектуальной граммы наблюдались существенные колебания информантов в выборе НСВ или СВ. (Впрочем, как можно видеть на примерах (9) и (10), абсолютного единодушия не было и в 1-ой группе; в ходе обработки материала было принято решение, что пороговым значением при решении вопроса об отнесении фрагмента в 1-ую или 2-ую группу является количество 3: ≤ 3 случаев выбора альтернативной граммы как единственно возможной – 1-ая группа, ≥ 3 – 2-ая группа (для общего количества выбора альтернативной граммы с учетом ее появления в комбинациях пороговым значением считается 8) .

1.3. Второй тип выбора ВВГФ информантами, обозначенный выше как антонимия, переходящая в синонимия («контраст» и «конкуренция» по (Поливанова 1985/2008)), составляет 56% от общего количества. Объединен материал в эту группу по количественному параметру – выбор альтернативной граммы как единственно возможной в количестве случаев, превышающем 3 (и превышающем 8 в случае ее появления в рамках комбинации ВВГФ), что демонстрирует возможность появления в данном контексте более одной ВВГФ. Содержательно же он распадается на две самостоятельные подгруппы, на первый взгляд существенным образом различающиеся: с антонимическими («контраст») и синонимичными («конкуренция») отношениями между граммами.

Несмотря на практикуемое здесь параллельное использование терминов Ю.С. Маслова и А.К. Поливановой, нельзя не отметить, что оно является определенным упрощением. Дело в том, что резкие границы присутствуют в схеме Поливановой, но не в схеме Маслова. В (Маслов 1984/2004: 111) антонимия и конкуренция частных видовых значений представлена с использованием следующего набора отношений:

- ✓ последовательная антонимия (процессного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ),
- ✓ непоследовательная антонимия (неограниченно-кратного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ),
- ✓ относительная антонимия (конкуренция) (общефактическое значение НСВ и конкретно-фактическое значение СВ),
- ✓ синонимическая конкуренция (синонимия) видов (подчеркнуто-длительное значение НСВ и значение охвата длительности СВ).

Очевидно, что здесь мы имеем дело не с дискретной системой, а с континуумом, в котором осуществляется градуальный переход от антонимии к синонимии. Вернемся к этой теоретической проблеме ниже, после обсуждения материала.

Приведем по два примера на каждый из выделяемых в (Маслов 1984/2004: 96-111) видов отношений между контекстно реализованными формами НСВ и СВ, соблюдая порядок приведенного выше перечня.

а) Последовательная антонимия: 9 случаев из 23, т.е. 39%:

(11) Это Инес нашла тетрадь и маленькую пулю, завернутую в кусок газетной бумаги. Она (*складывала*^{НСВ}, *сложила*^{СВ}, *складывает*) серый пиджак, чтобы положить его в сундук, когда обнаружила под подкладкой какую-то твердую и гладкую поверхность, а затем, продолжая ощупывать, еще и сверточек, такой маленький, что сначала ее пальцы не могли прощупать его в той складке, где он находился. (34/15/0; выбор *складывала*^{НСВ} как единственно возможный – 30, *сложила*^{СВ} как единственно возможный – 11, в рамках комбинации *складывала*^{НСВ}-*сложила*^{СВ} – 4)

(12) И лишь гораздо позже, когда Миня читал рукопись, он смог понять, почему Мануэль обманул его, сказав, что не осталось ни одной страницы из той книги, которую Солана (*писал*^{НСВ}, *написал*^{СВ}, *пишет*), когда его убили. (34/12/0; выбор *писал*^{НСВ} как единственно возможный – 32, *написал*^{СВ} как единственно возможный – 10, в рамках комбинации *писал*^{НСВ}-*написал*^{СВ} – 2)

б) Непоследовательная антонимия: 3 случая из 23 (13%):

(13) Внезапно Миня остался один, и (все вокруг) было (таким), как будто бы ничто не могло свидетельствовать о том, что он (*целовал*^{НСВ}, *поцеловал*^{СВ}, *целует*) Инес на диване освещенной и застывшей библиотеки. (41/28/3; выбор *целовал*^{НСВ} как единственно возможный – 15, *поцеловал*^{СВ} как единственно возможный – 3, в рамках комбинации *целовал*^{НСВ}-*поцеловал*^{СВ} – 24, в рамках комбинации *целовал*^{НСВ}-*целует* – 1, в рамках комбинации *целовал*^{НСВ}-*поцеловал*^{СВ}-*целует* – 1)

(14) Говорил он так много и быстро, и с такими гримасами, что я сделал вывод о том, что он (*выпивал*^{НСВ}, *выпил*^{СВ}, *выпивает*) как раз до самого того момента, как поезд прибыл в Магину. (26/24/0; выбор *выпивал*^{НСВ} как единственно возможный – 20, *выпил*^{СВ} как единственно возможный – 18, в рамках комбинации *выпивал*^{НСВ}-*выпил*^{СВ} – 6)

в) относительная антонимия (конкуренция): 5 случаев из 23 (22%):

(15) - Ты мне вот что скажи, – начал он. – Мы с тобой о чем только ни (*говорили*^{НСВ}, *поговорили*^{СВ}, *говорим*), а я так и не знаю, зачем ты ко мне пришел. (43/10/13; выбор *говорили*^{НСВ} как единственно возможный – 25, *поговорили*^{СВ} как единственно возможный – 0, *говорим* как единственно возможный – 2, в рамках комбинации *говорили*^{НСВ} - *поговорили*^{СВ} – 7, в рамках комбинации *говорили*^{НСВ} - *поговорили*^{СВ} - *говорим* – 3, в рамках комбинации *говорили*^{НСВ} - *говорим*^{НСВ} - 8)

(16) - Он что, выпивши?..
- Немного, – сказал Хосефино. – Мы (*отмечали*^{НСВ}, *отметили*^{СВ}, *отмечаем*) его возвращение у братьев Леон. (44/18/5; выбор *отмечали*^{НСВ} как единственно возможный – 26, *отметили*^{СВ} как единственно возможный – 1, в рамках комбинации *отмечали*^{НСВ} - *отметили*^{СВ} – 13, в рамках комбинации *отмечали* - *отмечаем* – 1, в рамках комбинации *отмечали* - *отметили* - *отмечаем* - 4)

d) синонимическая конкуренция (синонимия) видов: 6 случаев из 23 (26%):

(17) - Вы танцуете, сеньорита?

- Благодарю вас, сеньор, я немного устала, (*танцевала*^{НСВ}, *протанцевала*^{СВ}, *танцую*) **всю ночь**. (35/33/13; выбор *танцевала*^{НСВ} как единственно возможный – 8, *протанцевала*^{СВ} как единственно возможный – 5, в рамках комбинации *танцевала*^{НСВ} - *протанцевала*^{СВ} – 19, в рамках комбинации *протанцевала* - *танцую* – 2, в рамках комбинации *танцевала* - *танцую* – 1, *танцевала* - *протанцевала* - *танцую* - 7)

(18) Вытащил я его на берег, спрашиваю: «Жив еще?». А он ни звука. **До самой зари** я (*возил*^{НСВ}, *провозил*^{СВ}, *вожусь*) с Эстанислао: растирал, искусственное дыхание делал, чтобы он дышать начал, но он ни слова больше не произнес. (37/39/0; выбор *возил*^{НСВ} как единственно возможный – 6, *провозил*^{СВ} как единственно возможный – 8, в рамках комбинации *возил*^{НСВ} - *провозил*^{СВ} – 31)

При последовательной антонимии, с моей точки зрения, в случае того или другого выбора представлены различные таксисные трактовки ситуации (последовательность ситуаций при выборе СВ и (хотя бы частичная) одновременность при НСВ), см. (11), (12).

При непоследовательной антонимии неограниченно-кратного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ суть выбора заключается в количественной оценке ситуации либо как единичной (СВ), либо как кратной (НСВ). В случае недостаточности контекстной информации для принятия однозначного решения по вопросу об одно- или многократности ситуации, возникает почва для вариативности в интерпретации ситуации – (13), (14).

В ситуации относительной антонимии (конкуренции) (общефактического значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ) граммема НСВ с одной стороны не полностью лишается свойственной ей семантики процессности и длительности, а с другой стороны, именно этой граммеме свойственно обозначение денотативной ситуации как таковой, чем и вызвана бóльшая предпочтительность ее употребления – (15), (16). Отмечу также, что в примере (16), по-видимому, отсутствуют эксплицитные элементы окружения, способные склонить чашу весов в пользу выбора той или иной граммемы. Тем не менее, количественные данные говорят о явном предпочтении, оказанном НСВ. Представляется, что этот факт можно объяснить «энциклопедией» носителя русского языка, побуждающей его наличествующее в левом контексте состояние (*выпивши*) обусловить предикатом НСВ *отмечали* как связанным с повторяемостью и длительностью процесса с большим основанием, чем альтернативная форма СВ *отметили*. Здесь, таким образом, граммема привносит семантику, отсутствующую в оставшейся части текста, т.е. здесь имеет место чистый случай нулевого аспектуально значимого контекста, что позволяет выйти на первый план грамматической семантике ВВГФ.

В группе синонимической конкуренции (синонимии) видов, характерной для выбора между подчеркнуто-длительным значением НСВ и значением охвата длительности СВ, количественные данные наглядно демонстрируют склонность к употреблению пердуратива (17), (18) и делимитатива (19) (пример из 1-ой группы) при наличии в контексте указания на двухстороннюю (или хотя бы правостороннюю) ограниченность ситуации. С другой стороны, такой выбор является не более чем тенденцией, поскольку соответствующая партнерская стратегия взаимодействия контекста и граммеы повышает избыточность текста. Употребление НСВ в случаях такого рода не запрещено, при этом обнаруживается семантическая трансформация «под контекст» в рамках конфликтной стратегии, что соответствует закону экономии кода.

(19) Сусана **помолчала** немного, (*мяла, помяла, мнёт*) в руках своего плюшевого кота, **а потом** сказала:

- А ты во многих странах с моим отцом был? И в Шанхае тоже? (1/44/1; выбор *мяла*^{НСВ} как единственно возможный – 1, *помяла*^{СВ} как единственно возможный – 43, в рамках комбинации *мяла*^{НСВ}-*помяла*^{СВ} – 0, в рамках комбинации *помяла*^{СВ}-*мнет* – 1)

Вернемся к вопросу о том, что в рамках этой группы примеров оказались объединены два вида исхода, предусмотренные в (Поливанова 1985/2008: 96-111) в случае возможности взаимозамены аспектуальных граммем: «контраст» и «конкуренция». Где следует провести границу между этими внешне антагонистическими ситуациями? Откровенно говоря, ни континуальность переходов в сфере частных видовых значений от последовательной антонимии до синонимической конкуренции по Ю.С. Маслову, ни полученные количественные данные не позволяют с достаточной степенью уверенности провести эту границу. Впрочем, прямой перенос схемы с тремя исходами А.К. Поливановой на наш материал не является корректным в силу следующих причин:

- а) в рамках проведенного А.К. Поливановой эксперимента с носителями русского языка им предлагалось оценить высказывание исключительно как правильное (метка +) или как неправильное (метка –); материал, в котором информант обнаружил сомнение, исключался из дальнейшего рассмотрения⁴;
- б) для рассмотрения привлекались только «морфологически парные глаголы, имеющие как СВ-, так и НСВ-формы: *решить*^{СВ}-*решать*^{НСВ}, *оказаться*^{СВ}-*оказываться*^{НСВ}, *убедиться*^{СВ}-*убеждаться*^{НСВ}, *но не мять*^{СВ}-*вымывать*^{НСВ}, *гулять*^{НСВ}-*погулять*^{СВ}» исключительно в формах прошедшего времени на -л и форме инфинитива, в рамках «предложений естественной длины, рассматриваемых в их природном контексте», извлеченных из текстов научной или научно-деловой прозы (Поливанова 1985/2008: 73).

Учитывая принятые в (Поливанова 1985/2008) условия наблюдения, постараемся соотнести «контраст» и «конкуренцию» с континуумом отношений между видовыми граммемами из (Маслов 1984/2004). (Здесь следует оговориться, что речь идет о моей реконструкции, потому что в рассматриваемой работе подробному разбору с привлечением и комментированием примеров подвергся только исход «контекстный контроль», доля которого составила более 90% – Е.Г.)

По-видимому, из спектра последовательная антонимия – непоследовательная антонимия – относительная антонимия (конкуренция) – синонимическая конкуренция (синонимия) видов по причине б) исключается последний вид отношений, поскольку он устанавливается между подчеркнуто-длительным значением НСВ и значением охвата длительности СВ, а последнее реализуется исключительно в делимитативах и пердуративах. Далее, последовательная антонимия с высокой степенью вероятности также должна быть исключена, поскольку соотносится с исходом «контекстный контроль», при котором невозможна взаимозамена ВВГФ. Остаются непоследовательная антонимия и относительная антонимия (конкуренция). Логично предположить, что непоследовательная антонимия

соотносится с исходом «контраст», а относительная антонимия – с исходом «конкуренция». Если эти рассуждения верны, то граница между «контрастом» и «конкуренцией» должна проходить между непоследовательной антонимией (неограниченно-кратного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ) и синонимической конкуренцией (общефактического значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ). Между тем, наши количественные данные (ни в их «суммарном» виде, ни в более подробном, с отдельным представлением выбора ВВГФ как единственно возможной с одной стороны и в рамках комбинаций – с другой) не дают оснований усмотреть именно в этом месте столь существенное противопоставление «контраста» и «конкуренции».

2. Основные выводы

В качестве итогов предлагаются следующие соображения:

- при предоставлении информантам возможности осуществлять множественный выбор эта возможность реализуется, но не во всех случаях;
- количественный подход к обработке результатов эксперимента в условиях множественного выбора разбивает полученный материал на две не совсем равные по объему группы по признаку наличия/отсутствия явного предпочтения, оказанного информантами одной из ВВГФ;
- в каждой из полученных групп присутствуют примеры и с наличествующими и с отсутствующими в окружении «катализаторами» аспектуальных граммем; в связи с этим следует констатировать, что исходная гипотеза, в соответствии с которой эксплицитный лингвистический контекст в рамках высказывания (фрагмента текста) однозначно определяет выбор ВВГФ, не подтверждается;
- также не находит подтверждения гипотеза видового согласования, сформулированная для «контекстно-контролируемых употреблений видоопределенных словоформ» (Поливанова 1985/2008: 76-78);
- контекстно-контролируемые употребления не составляют преобладающего большинства в русских высказываниях, извлеченных из художественной литературы и репрезентирующих как нарративный, так и диалогический дискурс;
- доля высказываний, допускающих взаимозамену ВВГФ русского глагола, составляет чуть менее половины от общего количества исследованных высказываний – 44%;
- резкое противопоставление «контраста» и «конкуренции» видовременных форм русского глагола не находит своего подтверждения в рамках проанализированного материала; скорее, речь должна идти о континууме взаимоотношений ВВГФ русского глагола с экстремумами в виде (последовательной) антонимии и синонимии;
- возможно и более сильное утверждение: при способности появляться в одном и том же окружении обладающих собственной семантикой единиц (в частности, граммем) различие контраста и свободного варьирования если и является релевантным, то исключительно по отношению к денотативной ситуации (т.е. ее сохранению в неизменном виде), а не по отношению к ее интерпретации и кодированию языковыми средствами при речепорождении. Со стороны прагматики говорящего всегда будет представлен «контраст», даже в случае синонимической конкуренции типа *Вы уже обедали^{НСВ} / пообедали^{СВ}»?*

Примечания

- ¹ Приводимые данные имеют отношение к противопоставлению НСВ и СВ в плане прошедшего, т.е. здесь не учитывается противопоставление презентной и претеритальной формы НСВ.
- ² В литературе подобные эксплицитные элементы контекста, способствующие реализации той или иной граммы, обозначаются также как «семантические актуализаторы», или «видовые согласователи» (см., напр., (Поливанова 1985/2008), где первый термин только упоминается, а второй используется в соответствии с гипотезой видового согласования; впрочем, в названной работе речь идет исключительно о семантической актуализации частных видовых значений, но мне думается, что явление семантической актуализации может иметь более широкое распространение).
- ³ Полу жирным шрифтом выделен тот элемент контекста, который оказался значимым для выбора граммы. В скобках приводятся результаты эксперимента. Порядок следования (абсолютных) чисел соответствует порядку предложенных информантам глагольных словоформ. Напомню, что в данной работе будут учитываться ответы только первой группы информантов (45 человек; относительно некоторых фрагментов – 44 (при пропущенных информантами и незаполненных лакунах)). Превышение суммой трех чисел выбора ВВГФ 100% (45) имеет место вследствие предоставленной инструкцией и реализованной во многих случаях возможности предложить для заполнения лакуны более чем одну приемлемую с точки зрения информанта форму.
- ⁴ Ср.: «Разумеется, иногда информанту бывает затруднительно с уверенностью отнести ту или иную из предъявленных пар П – П* к одному, но не другому из исходов. Как обычно, все случаи, вызывающие затруднения у информанта, могут быть безболезненно выброшены из контрольного корпуса наблюдаемых данных, поскольку, по счастью, при наблюдении над живым языком исследователь располагает неограниченным резервом данных; а для первоначальных наблюдений можно обойтись изучением бесспорных примеров» (Поливанова 1985/2008: 72-73).

Литература

- Горбова Е.В. Аспектуальные граммы и адвербиальный контекст (на материале испанского языка) // ВЯ, №4, 2007. С. 63-88.
- Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Поливанова А.К. Выбор видовых форм глагола в русском языке // Russian Linguistics. 1985. Vol.9, № 2/3.
- Поливанова А.К. Выбор видовых форм глагола в русском языке // Избранные работы. Общее и русское языкознание. РГГУ: Orientalia et Classica: Труды института Восточных культур и античности. М., 2008. С. 39-52.

А.В. Дубасова

(Санкт-Петербургский государственный университет)

«ПЕРЕДВИЖЕНИЯ» В ИСТОРИИ БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКОВ (ФОНОЛОГИЯ)

В истории балтийского вокализма и консонантизма происходили процессы, которые можно обозначить как «передвижения». Под этим термином я понимаю такие процессы, в результате которых произошло перемещение фонемы из одной «клетки» системы в другую. Рассмотрим некоторые случаи таких «передвижений».

1. Краткий вокализм в прабалтийском (здесь я придерживаюсь четырехугольной системы гласных, предложенной Казлаускасом–Мажюлисом (Казлаускас 1962; Мажюлис 1963)), схема 1:

В данном случае либо произошло слияние фонем *a* и *o* (занятие двумя фонемами одной клетки), либо фонема *a* перешла в уже свободную к моменту изменения клетку – но в любом случае изменилась **вся** система вокализма (возникла тесная связь между *e* и *a*, закреплённая апофонией (Гирдянис 1977: 33)); новые фонемы при этом не были созданы, хотя и можно допустить изменение артикуляции *a* после «передвижения».

2. Древнепрусский краткий вокализм.

В древнепрусских катехизисах можно обнаружить такие примеры, как (I, II и III Катехизисы соответственно): *asse* – *æsse* – *essei* ‘(ты) есть’, *andangon* – *ændengon* – *endangon* ‘на небе’, *bha* – *bhæ* – *bhe* ‘но’, которые едва ли могут быть объяснены лишь несовершенством орфографии того времени, так как непоследовательная орфография исключает какую-либо систему, а наличие системы здесь очевидно — несомненны чёткие соответствия: *a* Первого Катехизиса соответствует *æ* Второго Катехизиса и *e* Третьего Катехизиса. Эти и другие аналогичные примеры дают основание для реконструкции перехода *e* > *ε* > *a*, т.е. «передвижения», создавшего промежуточную клетку; на схеме 2а отражена часть вокалической системы, подвергшаяся изменению, на схеме 2б — вокалическая система древнепрусского языка полностью до и после изменения.

Схема 2а

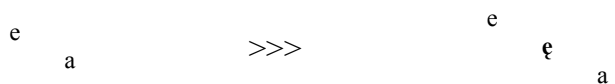
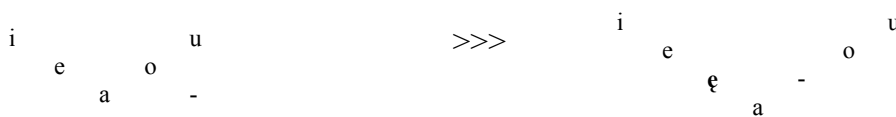

Схема 2б

Можно видеть, что не слишком, казалось бы, значительное изменение повлияло на всю систему краткого вокализма: с одной стороны, эта система расширилась, и изменились связи между клетками, с другой, есть основания предполагать, что и *u*, *i* – по всей вероятности, под влиянием *e* – могли быть открытыми (это не привело к образованию новых фонем, однако приводило к орфографическим колебаниям переводчиков, ср. *deinennien*, *deyninan*, *deinennin* ‘день’).

3. Древнепрусский консонантизм.

В древнепрусском языке во всех случаях, кроме *sj, произошёл переход Cj > C’, ср. *schuwikis* ‘портной’ < прабалт. *sjū- (*sj > š), но *kamstian* (<*tja-) ‘овца’, *dragios* (<*gjo-) ‘дрожжи’ и др. Таким образом, система древнепрусского консонантизма эволюционировала от состояния, отражённого на схеме 3а, к состоянию на схеме 3б.

Схема 3а

p		t					k	
b		d					g	
(f)		s		š			(h)	
		z		(ž)				
w						j		
				r				
		l						
m		n						

Схема 3б

p	p'	t	t'				k	k'
b	b'	d	d'				g	g'
(f)		s	s'	š	š'		(h)	
		z	z'	(ž)				
w	w'					j		
				r	r'			
		l	l'					
m	m'	n	n'					

Итак, в результате йотации согласных в древнепрусском возникла корреляция по твёрдости-мягкости, в том числе я предполагаю первоначальный переход $*sj > *s'$ (поскольку нельзя обнаружить никаких причин для отличного поведения йотации $*s$). Но в древнепрусском языке произошёл ещё и такой же, как в латышском, переход $*š > s$ (*sirmes* 'щёлок', ср. лит. *šármas*, лтш. *sārms* 'то же', прабалт. $*šarm-$); часть таких s оказалась в позиции перед гласными переднего ряда (как в приведённом примере) и после возникновения корреляции по твёрдости-мягкости должна была перейти в s' . В результате этих двух процессов возник «конфликт» – в одной ячейке оказались фонемы разного происхождения. Можно предположить, что для разрешения этого «конфликта» и понадобилось продолжить йотацию s , тем более что соседняя клетка оказалась свободной ($š$ к этому моменту перешёл в $s-s'$), таким образом реконструируется переход $*sj > *s' > š$.

Т.е. в древнепрусском языке произошло два почти зеркальных «передвижения»:

$$\begin{aligned} *š &> s, s' \\ *sj &> *s' > š \end{aligned}$$

Что касается s из $*š$, то, по-видимому, оно слилось с уже существовавшим s . Почему в случае s произошло слияние, а в случае s' – нет? Возможно, упомянутый «конфликт» возник не столько потому, что две фонемы стали претендовать на одну и ту же клетку, сколько потому, что это происходило относительно **одновременно**. Если клетка s уже давно была занята и легко «поглотила» новые s другого происхождения, то клетка s' ещё только формировалась и потому вызвала описанные перестройки в системе. Описанные

«передвижения» происходили примерно в одно время с образованием целого ряда новых фонем, но эти новые фонемы образовывались не в результате «передвижений», а в результате действия йотации. В данном случае не «передвижения» привели к образованию новых фонем, но образование новых фонем вызвало – в качестве побочного эффекта – «передвижения».

С точки зрения «передвижений» могут быть рассмотрены и многие другие процессы, формировавшие консонантную и вокалическую системы балтийских языков. Задачей данного исследования было показать, что представление изменений в виде «передвижений» позволяет не только наглядно показать сущность того или иного изменения, но – что особенно важно – и его влияние на систему в целом. Рассмотренные изменения до настоящего времени остаются предметом дискуссий, однако, на мой взгляд, тот факт, что мы можем рассматривать их как часть системы, влияющую на эту систему (т.е. провоцирующую её дальнейшее развитие) или зависящую от этой системы (т.е. являющуюся результатом её развития), является дополнительным аргументом в пользу правильности реконструкции.

Литература

- Гирдянис А.* (реc.) Балто-славянский сборник. М.: Наука, 1972. 424 с. // *Baltistica*. 1977. Т. 13(1). С. 300–303.
Казлаускас И. К развитию общепольской системы гласных // *ВЯ*. 1962. № 4. С. 20–24.
Мажюлис В. Заметки по прусскому вокализму // *Вопросы теории и истории языка* / ред. П.А. Дмитриев, Ю.С. Маслов, М.И. Привалова, Г.В. Степанов, А.В. Федоров. Л., 1963. С. 191–197.
Endzelīns J. Senprāšu valoda // *Darbu izlase IV* (2). Rīga: Zinātne, 1982. Lpp. 9–351.

Е.И. Риехаккайнен, Н.А. Слепокурова

(Санкт-Петербургский государственный университет)

ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА В РУССКОЙ СПОНТАННОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Задачей данной работы было получение предварительной информации об инвентаре и статистике использования дискурсивных слов (далее – ДС) в русском устном спонтанном диалогическом тексте. При этом было решено идти «от текста», т.е. использовать метод сплошного просмотра, при котором вначале выделяются **все** встретившиеся в тексте ДС и лишь затем определяется «словник» ДС и производятся количественные подсчеты.

Совершенно естественно, что при таком подходе необходимо было заранее достаточно четко определить, какие текстовые единицы следует принимать за ДС. Из литературы – отечественной и зарубежной – известно, что списки ДС как для письменных, так и, тем более, для устных спонтанных дискурсов во всех исследуемых на сегодняшний день языках остаются открытыми. Подробное описание критериев выделения ДС и перечисление их дискурсивных функций, ориентированное прежде всего на метод, использованный авторами работы (Киселева, Пайар 1998), содержится в (Горбова и др. 2008). Этот подход предполагает, что дискурсивными считаются слова, не имеющие денотата, с семантической точки зрения не входящие в пропозициональную структуру высказывания, а с синтаксической – не являющиеся членами предложения (и, одновременно, не относящиеся к разряду обращений, союзов, междометий, хотя с последними двумя разрядами дело обстоит совсем не просто). Если определять множество ДС «снизу», через перечень известных классов слов, то его составляющими, соответственно, оказываются частицы, вводные и модальные слова и конструкции, всевозможные слова-паразиты и т.д. – т.е. те единицы, из которых, по мнению Т.М. Николаевой, образован «коммуникативный фонд» языка (Николаева 2008: 16). К определяемому подобным образом набору ДС после некоторых сомнений и размышлений и в то же время в опоре на традицию, уже фактически сложившуюся в многочисленных англоязычных исследованиях устных диалогических

дискурсов, было решено добавить часто встречающиеся в репликах спонтанных диалогов выражения с семантикой согласия / несогласия: *да, ладно, хорошо, а как же, нет, ни за что* и т.д., а также слова *спасибо* и *пожалуйста*.

Материалом исследования служили письменные расшифровки диалогов из телевизионных передач *Культурная революция* и *Большой брат* общей продолжительностью звучания приблизительно в 8 часов. Суммарный объем проанализированных письменных записей указанных телепередач составил около 200 стандартных страниц.

Ниже в качестве примера показан фрагмент расшифровки телепередачи *Большой брат* с выделенными ДС. Он может дать некоторое представление о насыщенности рассмотренных диалогических текстов дискурсивными словами и словосочетаниями, хотя в целом следует отметить, что частота и репертуар употребления ДС в масштабах всего текста неравномерны и сильно зависят от диктора и коммуникативной ситуации.

[Над:] *Не могу сказать, что я к ней хорошо сейчас отношусь / да? / или плохо // Потому что я человека этого не знаю // ну / на самом деле интересная / э-э-э / очень / м-м-м / миловидная / м-м-м-м / такая обаятельная девушка // Я думаю / что она смуту внесёт в наш коллектив / большую // Так как новый человек всегда интересен // Тем более / я думаю / первые дни / особенно будет / такие вот / особенно среди парней // Я думаю / все будут проявлять какие-то знаки внимания // Э-э-э-э / естественно, она будет стараться общаться с ними больше / я думаю / м-м-м // Естественно, она будет / э-э-э / тянуться больше / м-м-м / к мужчин... / э-э-э / к мужскому полу / да? // Чем м-м-м к девушкам //*

[Сер:] *Мне не нравятся совсем / это вот / я б тебе не дал восемнадцать / честно сказать / я б тебе чуть больше дал //*

[Нас1:] *Ну / мне тоже дают лет двадцать //*

[Сер:] *Да / потому что-о-о / всё-таки глаза / вот твой взгляд / э-э-э / повадки / э-э-э / такие / они / э-э-э / в процессе жизни формируются / и / э-э / когда вот с такими людьми общаешься старше тебя // Как-то вот срисовываешь с них картинку / как вот у нашей / у Настеньки / она-а-а / э-э-э / ребёнок, но у неё в общем очень развита / интуиция / э-э-э / мозги работают не по годам // То есть вот из девочек она из нас / ну так скажем / не просто она опасная / а вот / самая интересная //*

При взгляде на приведенный отрывок обнаруживается одна из основных трудностей, с которой пришлось столкнуться при анализе, – типичное для устного спонтанного текста использование линейных кластеров ДС (*как-то вот, то есть вот, ну так скажем, ну то есть* и т.д.), затрудняющих принятие решения о том, какую единицу все-таки следует считать самостоятельным ДС. И хотя для упомянутых объединений ДС эти решения достаточно очевидны, а для всего рассмотренного материала мы, так или иначе, эти окончательные решения принимать были просто обязаны (и руководствовались при этом, с одной стороны, опорой на просодику, с другой – стремлением к получению наиболее экономного в количественном отношении списка ДС), – острота поставленной проблемы и некое ощущение безысходности от очевидной непросматриваемости ее близкого решения результатами данной работы отнюдь не снимаются (об этом см. также (Николаева 2000: 307, 315; Грамматика 1980: 730)).

Следующим обстоятельством, существенно усложняющим и замедляющим процесс обнаружения ДС, была широкая лексическая и грамматическая омонимия, обусловившая необходимость отделения дискурсивных значений ДС от недискурсивных, что в большинстве случаев исключало использование автоматического компьютерного поиска ДС и заставляло работать «вручную». Разрешение омонимии в текстовых употреблениях некоторых «кандидатов» в ДС требовало весьма большой аккуратности: в частности, из-за фактической невозможности разграничить союзные и дискурсивные функции мы не включили в собранный нами полный список ДС одну из самых употребительных, по данным Т.М.Николаевой (Николаева 2000: 358-360), частиц – *и*.

Стоит упомянуть и еще об одной трудности работы по избранному нами методу. Дело в том, что сплошной просмотр больших объемов текста с одновременным поиском разнообразных единиц, представляющих собой весьма тонкие семантические сущности, требовал от исполнителей как достаточно высокой лингвистической квалификации, так и напряженного внимания, при этом неизбежно появлялись ошибки – прежде всего, пропуски ДС. Гарантированным способом их минимизации было бы проведение повторных просмотров с участием экспертов со стороны. К сожалению, исполнители данной работы, честно стремившиеся к достижению безупречных результатов и потому постоянно и неоднократно возобновлявшие поиск пропущенных ДС на уже просмотренных страницах, были лишены такого полезного дополнительного контроля; поэтому, оценивая данную работу, следует допускать вероятность того, что представленные в итоговой таблице частоты употребления некоторых ДС могут оказаться чуть-чуть заниженными, что, по нашему глубокому убеждению, не должно повлиять существенным образом на представленное в работе распределение ДС.

Всего в обоих текстах было обнаружено 394 разных ДС, 235 (60%) из которых встретились чаще одного раза, 124 (31.5%) – не менее 5 раз. Это означает, что даже если удалить из этого списка все включения окказиональных и редких ДС, окончательный список будет содержать более ста ДС; число это превышает все известные из литературы данные. Существенно также, что 132 ДС из 394 (33,5%) оказались общими для обоих текстовых массивов, причем большая часть этих общих ДС (97 из 132) относится к группе частотных, встретившихся более 5 раз. Вероятно, не будет большим преувеличением считать, что эта общая для обоих текстов сотня ДС если и не составляет сама, то уж наверняка включает в свой состав ядерную часть множества ДС, употребляемых носителями русского языка в устной спонтанной речи.

В табл. 1 представлены все ДС, встретившиеся в текстах 5 и более раз. Сами ДС размещены во втором столбце слева, они упорядочены в таблице по убыванию суммарной частоты встречаемости, приведенной в столбце **КР+ББ**. Серым цветом выделены ДС, общие для обоих рассмотренных текстовых массивов. В столбцах **Част. в КР** и **Част. в ББ** содержится информация о частотности ДС в каждом из рассмотренных текстовых массивов в отдельности.

Таблица 1

№	ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА	ЧАСТ. В КР	ЧАСТ. В ББ	СУММАРНАЯ ЧАСТОТНОСТЬ: КР+ББ	ЧАСТОТНОСТЬ В ПОДКОРПУСЕ ЖИВОЙ РУССКОЙ РЕЧИ СО СНЯТОЙ ОМОНИМИЕЙ
1	вот	481	345	826	1620
2	ну	158	338	496	970
3	нет	56	177	233	[1015]
4	да	117	107	224	1091
5	да?	120	104	224	
6	же (ж)	126	88	214	890
7	так	166	46	212	982
8	вообще	68	87	155	391
9	спасибо	127	27	154	100
10	там (частица)	98	42	140	[1087]
11	просто	92	38	130	[580]
12	то есть	38	42	80	489
13	только	70	5	75	[511]
14	конечно (же) (вводное)	52	18	70	[429]

15	пожалуйста	51	17	68	130
16	как бы	20	44	64	101
17	значит	35	26	61	[253]
18	понимаете/-ешь	47	13	60	107
19	наверное	35	24	59	282
20	всё-таки	46	5	51	0
21	даже	45	4	49	387
22	вы знаете	36	11	47	71
23	давай (не императив)	2	45	47	24
24	блин (вводное)		44	44	7
25	я думаю	29	14	43	115
26	(а) может быть	27	14	41	340
27	например	28	13	41	175
28	мне (так) кажется	27	12	39	210
29	действительно	37	1	38	182
30	хотя (бы) / хоть	25	13	38	229
31	на самом деле	25	12	37	121
32	это	17	20	37	[3887]
33	как-то	22	13	35	121
34	тогда	30	5	35	[308]
35	я не знаю	23	12	35	68
36	давайте (не императив)	5	29	34	33
37	знаете/-ешь (вводное слово)	17	17	34	45
38	совершенно (=совсем)	30	1	31	176
39	в общем(-то)	25	5	30	114
40	(а) может (вводное)	10	20	30	[373]
41	чё/шо	5	25	30	2
42	ведь	20	8	28	141
43	всё равно	15	10	25	0
44	так сказать	24	1	25	40
45	абсолютно	22	2	24	86
46	и так далее	24		24	59
47	совсем	15	9	24	129
48	хорошо	12	12	24	96
49	в принципе	12	11	23	84
50	ну вот	5	18	23	48
51	прямо(о)	5	17	22	42
52	кстати	13	8	21	70
53	ну что/чё	1	20	21	19
54	к сожалению	17	2	19	59
55	извините (меня)	17	1	18	41
56	ладно	4	14	18	34
57	естественно	13	4	17	78
58	как раз	16	1	17	120
59	конечно (=да)	6	11	17	429
60	короче		17	17	10
61	ну да	1	15	16	33
62	так вот	16		16	18
63	типа	5	11	16	20

64	именно	14	1	15	232
65	ты чё/что		15	15	1
66	уж	15		15	82
67	во-первых	13	1	14	69
68	да нет/не	4	10	14	22
69	не знаю	7	7	14	61
70	скажите	13	1	14	49
71	безусловно	12	1	13	49
72	всё (част.)	10	2	12	[611]
73	по-моему	8	4	12	129
74	скажем	6	6	12	44
75	в том числе	8	3	11	57
76	и так далее и так далее	11		11	6
77	опять же	7	4	11	47
78	правильно?	7	4	11	7
79	слушай(те)	2	9	11	16
80	точно (не)	11		11	57
81	в этом смысле	10		10	19
82	вот так	7	3	10	67
83	дело в том что	10		10	52
84	итак	5	5	10	18
85	наконец(-то)	6	4	10	22
86	правильно (=да)	5	5	10	16
87	смотри(те)	4	6	10	12
88	так что	9	1	10	64
89	тем не менее	9	1	10	13
90	честно говоря	6	3	9	17
91	простите	8		8	4
92	во всяком случае	8		8	23
93	допустим	7	1	8	59
94	ни фига себе/се		8	8	0
95	по крайней мере	2	6	8	42
96	самое главное	7	1	8	7
97	что ли	2	6	8	48
98	во-вторых	5	2	7	21
99	на мой взгляд	7		7	39
100	ну как		7	7	5
101	собственно	6	1	7	28
102	нет?	3	3	6	[1015]
103	ничего (ничё) себе (се)		6	6	2
104	ничего/ничё (в этом) страшного	2	4	6	0
105	подожди(те)(-ка)	1	5	6	16
106	правда (вводное)	1	5	6	35
107	секундочку	6		6	1
108	чего-то / чё-то		6	6	4
109	наоборот	5		5	25
110	более того	5		5	14
111	в основном	3	2	5	56

112	в смысле	1	4	5	10
113	где-то	3	2	5	24
114	как говорится	3	2	5	17
115	наверняка	5		5	7
116	ну и что/чѐ		5	5	13
117	оказалось	5		5	1
118	особенно	5		5	61
119	правда? (=да?)	4	1	5	6
120	реально (вводное)		5	5	[317]
121	скажем так	5		5	19
122	тем более (что)	4	1	5	23
123	я говорю	3	2	5	63
124	я не могу		5	5	0

Условные обозначения в таблице:

КР – массив текстов *Культурная революция*, ББ – *Большой брат*.

В скобках приводятся дополнительные (факультативные) компоненты ДС.

Через «/» даются варианты ДС.

Курсивом рядом с ДС указывается семантика или лексико-грамматический разряд некоторых ДС.

В квадратные скобки в крайнем правом столбце заключены частотности ДС в подкорпусе устной речи Национального корпуса, для которых не выявлялись различия по значениям!

Для проверки достоверности полученных результатов было решено воспользоваться сравнением с данными, содержащимися в Национальном корпусе русского языка. Итоги этого сравнения можно видеть в крайнем правом столбце табл. 1, где приводятся частотности ДС по данным подкорпуса устной речи Национального корпуса русского языка, содержащего на сегодняшний день около 247 тысяч слов. Оказалось, что 340 из 394 (86%) обнаруженных нами ДС зафиксированы в содержащихся в Корпусе письменных текстах (в их число входят все ДС, попавшие в табл. 1), а 273 из 394 (69%) ДС встречаются в подкорпусе устной речи этого Корпуса. Эти цифры, на наш взгляд, убедительно подтверждают репрезентативность полученной в нашем исследовании выборки ДС.

На текущем этапе работы мы не ставили перед собой других целей, помимо наиболее реалистичной – получения списка ДС. Ясно, однако, что, осуществление этой цели выдвигает множество новых вопросов, наиболее серьезным из которых является выбор пути дальнейшего исследования устных ДС. Полезным и поучительным для этого может оказаться опыт зарубежных коллег.

Следует отметить, что изучение организации дискурса, в том числе функционирования дискурсивных слов, в последние два десятка лет очень активно проводится за рубежом в рамках огромного и все возрастающего интереса к проблемам языковой прагматики. Одной из сквозных тем в публикациях, посвященных обсуждаемому вопросу, является понятие дискурсного маркера (discourse marker), ставшее объектом самого пристального внимания во множестве теоретических и практических штудий. Под дискурсивными маркерами (далее – ДМ) понимаются вербальные и невербальные средства (в основном, это особые лексические единицы, но также и отрезки «эканья», «меканья» и прочие невербальные филлеры, заполняющие в речевом потоке паузы, как и сами эти паузы, а также различного рода повторы, сбои, наложения слов и др., нарушающие плавность устной речи), которые, по мнению специалистов, в актах языковой коммуникации сигнализируют о неких критических, переломных точках, иначе говоря, используются для квантования и структурирования устного и письменного дискурса. (Понятно, что множества **дискурсивных слов** и **дискурсивных маркеров** в значительной степени пересекаются, но не совпадают; эта тема, впрочем, заслуживает отдельного рассмотрения). Как пишет один из авторов, изучающих ДМ в типологическом аспекте, ДМ особенно интересны и значительны тем, что сфера и степень их влияния слишком часто выходят непропорционально далеко за пределы их ближнего контекста (Walrod 2006). По его же образному выражению, ДМ

выполняют в дискурсе роль «сигналов или дорожных знаков, которые управляют механизмами понимания и интерпретации текста... Они похожи на неких дискурсных ковбоев, направляющих пасущиеся стада по герменевтической тропинке. Они напоминают знаки нотации в музыкальной партитуре, определяющие интерпретацию музыкального сочинения исполнителем» (“are like cues or roadsigns which guide our processes of text comprehension and interpretation... They are like discourse cowboys, herding us along the hermeneutical trail. They are like the cues on a musical score (staccato, pianissimo, fortissimo) guiding the performer’s interpretation of the musical composition”) (Там же: 4).

Особое внимание уделяется функционированию ДМ в устном спонтанном диалоге, где, по единодушному мнению исследователей, именно им принадлежит важнейшая роль «регуляторов», обеспечивающих тонкое дискурсное взаимодействие и взаимопонимание участников диалога, достигаемое вопреки эксплицитной дезорганизованности живой спонтанной речи в сравнении с речью кодифицированной, письменной: предполагается, что ДМ существенно облегчают для говорящих и слушающих конструирование ментальных репрезентаций описываемых в дискурсе событий. И если в знаменитой монографии Д.Шифрин «Дискурсные маркеры» (Shiffirin 1987), без ссылки на которую не обходится практически ни одна более поздняя работа по ДМ, всестороннему анализу с точки зрения роли в обеспечении связности устного дискурса были подвергнуты всего 12 английских ДМ (*oh, well, so, and, now, then, I mean, u’know* и др.), то в настоящее время в связи с доступностью для пользователей нескольких миллионных корпусов устных спонтанных английских текстов исследования ДМ ведутся широким фронтом и, в основном, в направлении «от текста». В этой связи любопытно отметить, что число английских ДМ, описываемое в разных источниках, колеблется в достаточно широких пределах – от 150 в книге (Swan 1996) до 340 в работе (Knott 1996) (цифры заимствованы из статьи (Louwerse, Mitchell 2003)), и очевидно, что эти цифры дают еще один повод для оптимистической оценки количественных результатов проделанной нами работы.

Однако главные исследовательские силы англоязычных исследователей дискурса в настоящее время брошены не столько на расширение списков обнаруживаемых в диалогической речи ДМ, сколько на проблему их структурирования, таксономизации и, соответственно, моделирования (Clark, Schaefer 1989; Schourup 1999; Louwerse, Mitchell 2003; Clark 2004 и др.). В предпоследней из упомянутых статей, например, результатом специальной процедуры анализа становится кластеризация большой совокупности обнаруженных эмпирически ДМ по четырем признакам: *direction, polarity, acceptance* и *empathics*. Во многих работах констатируется, что разные типы ДМ функционируют на иерархически разных уровнях коммуникации и в то же время любой ДМ способен, как правило, выполнять несколько функций. А Д.Блэкмор, автор другой широко известной в англоязычном мире монографии, посвященной семантике и прагматике ДМ (Blakemore 2002), предполагает, что с когнитивной точки зрения единого класса ДМ вообще не существует. Она считает, что дискурс – это не тот объект, который можно исследовать изолированно от человеческого сознания, и фактическим предметом исследования для нее является не дискурс, а когнитивные процессы, обеспечивающие успешную языковую коммуникацию. Всесторонний же анализ ДМ, по ее мнению, полезен и необходим прежде всего с точки зрения их роли и участия в этих процессах. Наконец, следует упомянуть и о том, что уже начали появляться сугубо прикладные работы, в которых предпринимаются небезуспешные попытки целенаправленного автоматического распознавания ДМ в звучащих текстах, предназначенные для решения вопросов, связанных с созданием и функционированием автоматизированных диалоговых систем (Heeman, Byron, Allen 1998).

В планировании будущих исследований ДС русского языка, вне всяких сомнений, следует широко и всесторонне учитывать зарубежный опыт. В то же время мы отчетливо осознаем, что наиболее насущный и перспективный путь продолжения начатой работы – исследование фонетики и просодики ДС в разнообразных контекстах – по-настоящему все еще не освоен ни у нас, ни за рубежом, поскольку он требует от исследователей решения

слишком большого круга серьезных методологических и теоретических вопросов. И очевидно, что рано или поздно освоение этого пути надо начинать.

Литература

- Горбова Е.В., Слепокурова Н.А., Комовкина Е.П., Макарова А.Б., Малов Е.М., Риехакайнен Е.И. Современная русская спонтанная телевизионная речь: некоторые итоги исследования // Современная русская речь: состояние и функционирование. СПб., 2008. С. 5-82.
- Грамматика 1980: Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.
- Киселева, Пайяр 1998: Дискурсивные слова русского языка. Опыт контекстно-семантического описания. М., 1998.
- Николаева Т.М. От звука к тексту. М., 2000.
- Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»). М., 2008.
- Blakemore D. Relevance and linguistic meaning: the semantics and pragmatics of discourse markers. Cambridge; New York. 2002.
- Clark H.H. Pragmatics of language performance // Handbook of Pragmatics. Oxford: Blackwell. 2004.
- Clark H.H., Schaefer E.F. Contributing to discourse // Cognitive Science. 1989. Vol. 13. P. 259-294.
- Heeman P.A., Byron D., Allen J.F. Identifying discourse markers in spoken dialog // Paper presented at the AAAI Spring Symposium on Applying Machine Learning and Discourse Processing. Stanford. March 1998.
- Louwse M.M., Mitchell H.H. Toward a taxonomy of a set of discourse markers in dialog: a theoretical and computational linguistic account // Discourse Processes. 2003. Vol. 35. N 3. P. 199-239.
- Schourup L. Discourse markers // Lingua. 1999. Vol. 107. P. 227-265.
- Shiffrin D. Discourse markers. Cambridge University Press. 1987.
- Walrod M. The marker is the message: The influence of discourse markers and particles on textual meaning // Paper presented at Tenth International Conference on Austronesian Linguistics. 17-20 January 2006. Puerto Princessa City, Palawan, Philippines.

А.С. Рогова

(Петрозаводский государственный университет)

СПЕЦИФИКА РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИММИГРАНТОВ В РУССКО-НОРВЕЖСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

С начала 1990-х гг. ведется активное изучение языка русскоязычных иммигрантов. Многие исследования, посвященные аналогичным на первый взгляд объектам — группам русскоязычных иммигрантов в иноязычной стране — показывают достаточно однородную картину вкрапления иммигрантами иностранных слов в родной язык. Иммигранты активно включают в свою речь слова из языка страны проживания, независимо от степени владения этим языком (см., например, Жданова 2004, Найдич 2004, Осипова 2002, Протасова 2004, Пфандль 1994).

Мы рассматриваем подобные иноязычные вкрапления в русскую речь информантов как примеры переключения кодов (далее – ПК), которое осуществляется не только между русским и соответствующим иностранным языком, но и между русским языком и новым регистром речи, который создается и используется иммигрантами и характеризуется включением слов иностранного языка в русскую речь. Например, М. С. Полинская вводит понятие «эмигрантского русского языка» для описания речи наиболее значительной группы русскоязычных иммигрантов в США (Полинская 2004: 33). М. А. Осипова отмечает, что собственно разговорный язык иммигрантов трудноуловим для исследователя, не принадлежащего к данному сообществу, так как «с приезжим из России носители русского языка в США зачастую говорят на особом русском языке, не так, как они говорят друг с другом» (Осипова 2002: 45). Это наблюдение свидетельствует о том, что «русские американцы» осознают особенность того регистра русской речи, которым они пользуются в повседневной жизни при общении с определенным кругом своих собеседников. Далее она подчеркивает, что «иммигранты, по сути дела, пользуются по крайней мере двумя устными языковыми разновидностями», одна из которых используется для общения со «своими», другая — с «чужими» (Там же: 450). Первый вариант М. А. Осипова называет «региональным вариантом русского языка, бытующим в США» (Там же: 451).

Таким образом, мы можем говорить о том, что русскоязычные иммигрантские сообщества формируют новый регистр речи, который мы называем «иностранным русским» и который имеет следующие особенности: активное ПК между русским и соответствующим иностранным языками, выполнение функции языка внутригруппового общения, осознание говорящими его отличия от стандартного русского языка. Рассматривая русско-норвежские языковые контакты, мы будем говорить о регистре, который мы назовем «норвежским русским» (НР).

Если мы обратимся к материалу речи русских иммигрантов, живущих в различных регионах Норвегии, то увидим картину, во многом аналогичную ситуациям, описанным на материале других языков. В регистре, используемом языковым сообществом русских, живущих в Норвегии, допускается употребление норвежских слов, более того, существует определенный набор норвежских слов, которые являются «немаркированными» для данного регистра. НР осознается использующими его как отличный от стандартного русского языка, его допустимо использовать лишь в разговоре с определенными собеседниками.

Непосредственным объектом нашего исследования является группа русскоязычных иммигрантов, живущих в русско-норвежском приграничье, в частности, в ближайшем к границе крупном населенном пункте, городе Киркенесе. На этапе формирования гипотезы исследования казалось очевидным, что языковое поведение иммигрантов в Киркенесе будет аналогично описанному выше. Тем не менее, собранный материал (интервью и наблюдения) создает несколько иную картину. Норвежские слова, конечно, используются иногда русскими иммигрантами в речи, но подобные примеры крайне немногочисленны. Кроме того, большая часть примеров ПК в нашем материале связана с реализацией его референтной функции: это названия реалий, соответствия которым нет в русском языке или они слишком сильно отличаются по значению (напр., «videregeende» – старшие классы средней школы, «likningskontor» – налоговая инспекция, «vikar» – временный сотрудник и т.п.), а также заполнение пробелов в знании языка.

На основании этих примеров мы вряд ли можем говорить о функционировании НР в Киркенесе. При этом факт существования НР, выявленного в речи иммигрантов за пределами Киркенеса, позволяет сделать вывод о том, что практически полное отсутствие включений норвежских слов в русскую речь в Киркенесе не является спецификой норвежско-русского языкового контакта, т.е. не определяется лингвистическими характеристиками данных языковых систем, а оказывается нетипичным именно для языкового сообщества Киркенеса. Далее мы обратимся к анализу языковой и культурной ситуации в русско-норвежском приграничье и попытаемся найти объяснение специфике сложившейся ситуации.

Важным аспектом рассматриваемой нами территории является ее приграничное положение. Граница представляет важнейшее культурное и символическое понятие, так как она составляет неотъемлемую часть одной из самых универсальных оппозиций в любой культуре – оппозиции «своего» и «чужого». С понятием границы тесно связано понятие локальной (региональной) идентичности. Будучи частью социальной идентичности человека, локальная идентичность подразумевает личное чувство принадлежности к месту, территории, занимаемой группой. Локальная идентичность не является неизменной во времени и пространстве, так как «территории не вечны», а границам свойственно изменяться в зависимости от различных аспектов взаимоотношений между группами (Paasi, 2007: 29).

В советское время коммуникация между населением по обе стороны советско-норвежской границы была сведена до минимума. После распада СССР произошли значительные изменения, которые затронули многие стороны жизни. В первую очередь, изменение границы повлекло за собой расширение социального пространства как для русских, так и для норвежцев, которые стали постепенно осваивать территорию, ранее для них закрытую. Если до 1991 г. в рассматриваемом регионе существовало две территории, прочно отделенные друг от друга: СССР и Норвегия, то после 1991 г. в дополнение к ним

возникло новое пространство (норвежско-российское приграничье), которое в восприятии тех, кто активно его осваивает, не является в полной мере ни Россией, ни Норвегией. Киркенес сегодня – это, безусловно, приграничный город. Это проявляется и внешне (вывески на русском языке, русская речь на улицах, автомобили с русскими номерами на парковках и т.д.), и на уровне экономической и политической жизни. На сегодняшний день практически всеми признается большое значение приграничного положения города и сотрудничества с Россией для развития Киркенеса. В исследовании о специфике Киркенеса как приграничного города приводится высказывание норвежки, жительницы Киркенеса: *«Настоящие перемены здесь начались, когда была открыта граница с Россией»* (Viken et al., 2007: 60). Далее авторы подчеркивают, что эта цитата представляет собой идею, лежащую в основе общего нарратива о развитии города, и встроена в социальные практики, конструирующие сегодняшний Киркенес.

Идея единого трансграничного пространства реализуется как в политических и административных решениях, иными словами – активно конструируется политической и культурной элитой, так и на уровне личностного восприятия территории. Например, мы можем говорить о том, что для некоторых жителей Мурманска и Мурманской области в результате активного освоения пространства приграничья произошло снижение психологической значимости государственной границы и расширение «своего» пространства, которое включает в себя в том числе Киркенес, точнее, некоторую его «русскую» часть, имеющую неофициальное название «Кирсановка» (или «Кирик»). Киркенес – это то место, куда ездят несколько раз в год за покупками, из аэропорта Киркенеса летают в отпуск и в командировки, значительная часть сотрудничества сосредоточена также в Киркенесе. С начала 1990-х гг. русские впервые поселяются в Киркенесе. По данным Центрального статистического бюро Норвегии, в 2007 г. в коммуне Сер-Варангер (административным центром которой является Киркенес) проживало 282 русских, при этом общее население коммуны на 01.01.06 г. составляло 9463 чел.

В результате подобных изменений в значении границы и распространения названных выше практик, Киркенес для мурманчан сегодня не является заграницей в полном смысле этого слова, и высказывание «курица не птица – Киркенес не заграница», которое можно услышать в Мурманске, становится не только шуткой, но и отчасти отражает действительную ситуацию. Об этом же свидетельствуют высказывания жителей Мурманска, регулярно (несколько раз в год) бывающих в Киркенесе:

«Если ты побывал в Киркенесе, то если по карте посмотреть, то ты естественно был на территории Норвегии, за границей, а так [...] Русских там очень много, и не ощущается, что ты прям так вот за границей.» (рус., ж., 25 лет, Мурманск)

Учитывая специфику восприятия пространства местным населением, обратимся к объяснению особенностей языкового поведения русскоязычных иммигрантов. Рассмотрим факторы, которые обычно приводятся для объяснения ПК в речи иммигрантов.

В частности, рассматривая речь русской диаспоры в Германии, В. В. Жданова связывает ее особенности с тем, что русскоязычные иммигранты являются в Германии представителями недоминирующей системы (Жданова 2004: 88). В.В. Жданова проводит прямую параллель между речевым поведением иммигрантов и их ориентацией на русское или немецкое социокультурное пространство. Например, использование немецких слов в русской речи она объясняет как попытку говорящего заявить о своей принадлежности к немецкому пространству. ПК в данном случае становится одним из способов создания желаемого – немецкого – образа. В.В. Жданова подчеркивает, что для иммигрантов, ориентированных на интеграцию, немецкий язык представляется более престижным. Престижность русского языка, в свою очередь, снижается, что является следствием изменений в системе ценностей индивида в новой среде (Там же: 92). Неравенство языков в

новой системе координат является одним из определяющих факторов, воздействующих на языковое поведение иммигрантов.

Если мы вернемся к нашей ситуации и сравним ее с описанной В.В. Ждановой ситуацией в Германии, то мы сможем выделить два основных отличия. Во-первых, русские в Киркенесе, как правило, не стремятся стать норвежцами (безусловно, есть исключения). Во-вторых, с определенной долей уверенности мы можем говорить о том, что сегодня русский и норвежский языки являются в приграничье в более или менее равной степени престижными, что связано, в том числе, с высоким уровнем экономического сотрудничества с Россией. Таким образом, русские в Киркенесе не заинтересованы в обязательной демонстрации своей принадлежности к норвежскому социально-культурному пространству.

Г. Пфандль, также исследующий языковое поведение русских иммигрантов, пишет о том, что одним из основных факторов изменения языкового поведения в условиях иммиграции является исчезновение привычного языкового фона (Пфандль 1994: 105). Вторым крайне важным фактором он считает «утрату актуальной динамики языка», т.е. оторванность от процесса естественного развития языка (Там же: 107).

В случае Киркенеса эти факторы имеют гораздо меньшее значение. Во-первых, языковой фон во многом остается привычным как благодаря большому количеству русских в Киркенесе, так и благодаря вывескам и объявлениям на русском языке, русскому телевидению, библиотеке с книгами и газетами на русском и т.п. Благодаря этим же причинам, а также близости России и частоте контактов вряд ли можно говорить об оторванности от тенденций языкового развития в России. Контакты с русским языком метрополии реализуются как во время поездок в Мурманскую область на выходные, так и обеспечиваются за счет регулярных приездов в Киркенес русских, постоянно живущих в России. Этот фактор может быть особенно значим в среде подростков и молодых людей, у которых русский язык оказывается важным маркером внутригрупповой идентичности и знанию русского языка придается большое значение. Русский является основным языком общения в молодежной среде иммигрантов из России, несмотря на то, что все они включены в норвежское общество посредством прохождения обучения в школе. Кроме того, учитывая тот факт, что многие молодые люди приехали из России достаточно взрослыми (а также всегда есть те, кто приехали сравнительно недавно), в среде русских есть группа «экспертов», которые могут оценить знание языка. Ситуация, в которой русские не говорят по-русски или говорят с ошибками, воспринимается многими представителями среднего и старшего поколения как естественная, неизбежная. Молодые люди, по-видимому, склонны относиться к этому по-другому: незнание русского языка вызывает насмешку. Подобное отношение выражает, в частности, одна информантка, русская девушка 20 лет, с 6 лет живущая в Киркенесе:

«Также очень смешно смотреть на тех, которые переехали 2-3 года назад и уже говорят с акцентом по-русски, не умеют писать. Мальчик, которого зовут Ваня Петров, и который не разговаривает по-русски, а приехал сюда два года назад – это очень смешно видеть» (ПФ/RI3, русская, 20 лет)

Еще одну причину формирования особого регистра речи иммигрантов называет М. С. Полинская, которая объясняет стремление к включению англоязычного маркера в речь русских иммигрантов в США желанием выразить солидарность с достаточно обособленным иммигрантским сообществом, стремлением приспособиться к жизни иммигрантской общины, которая позиционирует себя как «группу, отличную от аналогичных групп в метрополии» (Полинская 2004: 43).

Говоря о ситуации в Киркенесе, мы можем с определенной долей уверенности утверждать, что русскоязычные жители Киркенеса не представляют собой единой группы, осознающей себя отличными от русских в России. Символические границы «своего» пространства не обязательно совпадают с государственной границей, т.е. Киркенес может не

осознаваться русскими как собственно норвежское пространство. У большинства русских иммигрантов в Киркенесе нет ощущения «заграницы», и в их социальной идентичности нет той компоненты, связанной с иммиграцией, для выражения и закрепления которой иммигранты, как правило, заимствуют чужой язык. Следовательно, не присутствует экспрессивная функция ПК, которая, в том числе, символизирует социальную идентичность «иммигранта», человека, живущего в иноязычном и инокультурном окружении.

Литература

- Жданова В.В.* Русский язык диаспоры: идентификационные стратегии иммигрантов-билингвов // Русский язык за рубежом. № 3, 2004.
- Найдич Л.* Выбор языка, переклечение кода, лексические заимствования: русский язык иммигрантов последней волны в Израиле // Русскоязычный человек в иноязычном окружении. Ред. А. Мустайоки, Е. Протасова. Slavica Helsingiensia 24. Хельсинки, 2004.
- Осипова М. А.* Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002.
- Полинская М. С.* Русский язык в США // Русскоязычный человек в иноязычном окружении. Ред. А. Мустайоки, Е. Протасова. Slavica Helsingiensia 24. Хельсинки, 2004.
- Протасова Е. Ю.* Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб, 2004.
- Пфандль Г.* Русскоязычный эмигрант третьей и четвертой волны: несколько размышлений // Русский язык за рубежом, № 4-5, 1994.
- Paas, A.* Borders and Regions in a Transforming Northern Europe: a Conceptual Perspective // The Flexible Frontier: Change and Continuity in Finnish-Russian Relations. Aleksanteri Series 5/2007.
- Viken A., Nyseth T.* Kirkenes: The 'bordered' reinvention of a mining town // Nyseth T. and Granås B. (Eds). Reinvention of place. Nordregio-rapport 2007.

А.В. Семикрас

(Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург)

ГОВОРЯЩИЙ, СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ РЕЧИ

Задачей данной работы является рассмотрение результатов социолингвистического эксперимента, целью которого было исследовать отношение носителей русского языка к его трём региональным вариантам. Материалом для эксперимента послужили записи речи горожан Перми, Кирова и Санкт-Петербурга.

Изучение феномена «отношение к языку» позволяет узнать, как воспринимаются различия в речи на том или ином языке или варианте языка и как эти различия влияют на отношения людей в межличностном плане. В подобных исследованиях для оценки аудиторских реакций на речь применяется методика «парных масок» (match-guise technique). В данном докладе излагаются результаты анализа ответов на открытый вопрос «Как Вы считаете, кем может работать этот говорящий?».

В ходе проведённого в Санкт-Петербурге пилотного эксперимента с помощью модифицированной методики «парных масок» аудиторам (молодым жителям Петербурга, имеющим или получающим высшее образование, в возрасте от 21 до 30 лет) предъявлялись аудиозаписи чтения текста и рассказа на заданную тему в исполнении мужчин и женщин из трёх названных выше городов. Помимо классического в исследованиях подобной тематики использования записей диктора «в парных масках», когда один и тот же человек «исполнял» текст, имитируя региональную окраску и без неё, предъявлялась и аутентичная речь. Для каждого стимула были получены оценки по специально разработанным биполярным шкалам семантического дифференциала, полюса которых были заданы с помощью антонимов, например: надёжный / ненадёжный, приятный / неприятный и др.

Помимо шкал, как уже указывалось, в опросный лист был включён открытый вопрос, предлагающий аудиторам определить возможную сферу деятельности говорящего. Ответы на него давались в свободной форме, без выбора из предъявленного списка возможных профессий. Указание на возможный род деятельности дикторов могло дать информацию, уточняющую результаты оценок по шкалам, особенно ту, которая касалась социального статуса дикторов. Всего на этот вопрос было получено 140 ответов.

Анализ полученных оценок по шкалам показал, что различия в оценке разных вариантов речи существуют и что они являются статистически значимыми. Тем самым подтвердилась гипотеза о более статусной позиции вариантов, соотносимых с нормативным произношением. В случае с аутентичными стимулами более высокий статус оказался закреплённым за петербургским вариантом произношения. В случае с диктором в «парных масках» вариант с локальной пермской окраской был оценен значительно ниже, чем вариант «нормативное произношение». Статистически подтвердилось, что образ говорящего в зависимости от произносимого типа текста формируется по-разному: чтение и рассказ у одних и тех же говорящих были оценены неодинаково – чтение выше, чем рассказ.

Еще один результат эксперимента касается соотношения оценок для дикторов «в масках» и аутентичных дикторов: их сравнение не представляется возможным, так как профессиональное владение речью (у диктора в «масках») оказалось более значимым, чем региональные особенности речи. В этом докладе будут анализироваться результаты только для аутентичных дикторов (записи женщин) из трёх городов (71 ответ).

Табл. 1. Предполагаемые аудиторами профессии говорящих

Тип текста	Чтение текста	Рассказ
Город диктора	Пермь	Пермь
Предполагаемые профессии	уставший студент, учительница, студент (2), врач, менеджер, лаборант, бухгалтер, безработный, медсестра	Продавец (2), модель, секретарь (2), неразборчиво, работа в торговле, библиотекарь, секретарша, студент (аспирант), бухгалтер
Город диктора	Киров	Киров
Предполагаемые профессии	не журналист, географ, студентка(7), ведущая тв программ, секретарь(2), менеджер, школьница	Продавец (3), студентка (5), преподаватель, студентка техникума, сфера обслуживания, секретарь, продавец в магазине одежды
Город диктора	Санкт-Петербург	Санкт-Петербург
Предполагаемые профессии	Студент (3), экономист (2), бухгалтер, врач, радио/телеведущий, телерепортер, гуманитарий, руководитель, менеджер, преподаватель в школе, офисный работник	Студент (2), стриптизерша, экономист, менеджер, телерепортер, менеджер, офисный работник, актер, ведущий, творческая профессия, аспирант, работает в сфере обслуживания

Указанные в табл. 1 сферы деятельности трудно расположить в иерархическом порядке, однозначно определив статус каждого варианта. Однако можно выделить два фактора, вокруг которых группируются ответы: требуемую квалификацию для профессии и требуемый уровень владения речью.

Первый фактор можно условно назвать требуемой для профессии квалификацией, к нему можно также отнести и уровень образования, и материальное обеспечение, и уровень престижа. Если принять в качестве условия, что такие профессии, как *руководитель*, *экономист*, являются показателем более высокого положения, а такие, как, например,

медсестра, секретарь, продавец, – менее высокого (т.е. рассматривать профессии как маркер статуса), то обнаруженные варианты ответов достаточно легко структурируются. (*Студент* как профессия в данном разделе не рассматривается, так как это деятельность учебная, а не профессиональная.)

Из табл. 1 видно, что для петербургского варианта произношения называются такие профессии, как *руководитель, экономист, телерепортёр*, хотя есть и маркеры другого типа – например, *работает в сфере обслуживания, стриптизёрша, офисный работник*. Для пермского варианта маркеров однозначно высокого положения нет, но, видимо, более высокий статус можно приписать профессии *врача*. Для Кировского варианта подобным маркером может служить *ведущая ТВ программ*. Таким образом, оказывается возможным проследить зависимость между региональным вариантом произношения диктора и его возможной, по оценке аудиторов, профессией.

Другой фактор, вокруг которого можно сгруппировать ответы аудиторов, – это требуемый для специальности уровень владения речью. Согласно данным табл. 1, разные профессии предполагают владение речью на разном уровне – есть профессии, где необходимо профессиональное владение речью, и есть профессии, для которых оно не является столь важным. Для таких профессий, как *радио/телеведущий, телерепортёр, актёр, ведущий, ведущая ТВ программ*, речь рассматривается как профессиональный инструмент, т.е. предполагается, что на должной высоте должна быть и постановка голоса, и владение нормами произношения. Для группы *преподаватель, библиотекарь, учительница, секретарь* также, по мнению аудиторов, важна речь, предполагающая определённый уровень владения литературными нормами. К следующей группе профессий, связанных с публичностью и общением – *продавец, фотограф, работник в сфере обслуживания*, высоких требований к речи аудиторами не предъявляется. По мнению аудиторов, высокая степень владения нормативной речью для петербургского варианта произношения связана с такими профессиями, как *радио/телеведущий, телерепортёр, актёр, ведущий*, и для Кировского варианта произношения – с профессией *ведущая ТВ программ*. Профессии с невысокими требованиями к речи (третья группа) даны для всех трёх вариантов произношения, но с разной частотой: для петербургского варианта – одна, для Кировского – пять, для пермского – три. Та сфера деятельности, которая предполагает общение с людьми и владение литературным языком, полнее всего представлена для пермского варианта: *учительница, врач, библиотекарь, секретарь*.

Рассматривая ответы информантов относительно фактора уровень владения речью, можно видеть, что говорящему петербуржцу аудиторы чаще приписывают профессиональное владение речью и соответствующие профессии, чем дикторам из двух других городов. Но эта зависимость не абсолютна. Территориальный акцент замечается, но не всегда служит причиной для однозначного снижения статуса говорящего, например, пермскому варианту произношения приписываются профессии, где предполагается публичность и важно владение литературным языком (например, *учительница, библиотекарь*). Кроме того, по полученным ответам видно, что аудиторы замечают и реагируют на различающиеся варианты речи, а также предъявляют к речи определённые требования.

Итак, проведённый анализ ответов на вопрос о предполагаемой профессии говорящего позволяет сделать следующие выводы.

Наиболее статусным вариантом речи является петербургский вариант. Этому варианту чаще приписывают профессии, которые требуют большей квалификации, лучше материально обеспечиваются, считаются более престижными. Но такое доминирование не абсолютно: во всех трёх вариантах встречаются указания на высокий и низкий статус.

Неречевая профессиональная компетенция не связывается жестко с нормативным произношением (например, *врач, библиотекарь, учительница* могут иметь и «местное» происхождение). Такое распределение имеет под собой жизненную основу: работники СМИ, действительно, преимущественно говорят на стандартном языке, в то время как, например,

врачи и даже учителя используют в повседневной жизни локальный вариант языка. В большей степени это относится к профессиям, не связанным с публичностью. Из этого также вытекает, что и параметр высшего образования, традиционно включаемый в социальную базу носителя нормативного произношения, не является в языковом сознании носителей русского языка коррелятом нормативности.

А.Н. Тиханович
(Череповецкий государственный университет)
О СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ MAGN

В системе лексических функций (ЛФ), разработанной И.А. Мельчуком и А.К. Жолковским в рамках теории «Смысл ↔ Текст», лексическая функция Magn (лат. *magnus* «большой») соответствует значению интенсификации, высокой степени проявленности признака или «далеко зашедшей» ситуации. Она является одной из наиболее употребительных в языке и наиболее изученных лексических функций. Средства выражения ЛФ Magn в целом соответствуют встречавшимся в литературе терминам «intensifier», или «интенсификатор», (Bolinger 1972, Арутюнова 1980, Вольф 1978), «интенсив» (Сергеева 1966, Суворина 1976) или «слово-усилитель» (Убин 1974).

Средства выражения данной функции весьма разнообразны и неоднородны. «Толково-комбинаторный словарь современного русского языка» (Мельчук, Жолковский 1984) (далее – ТКС) и «Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков» (Убин 1995) (далее – СУС) фиксируют данные средства выражения в достаточно больших количествах, не выделяя, однако, среди них более и менее употребительных и предпочтительных. Для восполнения этого пробела мы попытались предложить пути выявления частотных характеристик средств выражения ЛФ Magn от заданных опорных слов. Из ТКС были выбраны 30 слов (10 существительных, 10 глаголов и 10 прилагательных) для проведения психолингвистического эксперимента (см. подробнее Тиханович 2007, 2008). Суть эксперимента заключалась в следующем: к отобранным словам, сведенным в анкеты по частеречной принадлежности, испытуемые должны были предложить свои варианты выражения значения «очень».

В эксперименте приняли участие 150 испытуемых – по 50 человек на каждую анкету. В качестве испытуемых выступили курсанты Череповецкого военного инженерного института радиоэлектроники в возрасте от 17 до 23 лет.

Обнаруженные в ходе эксперимента средства выражения значения «очень» от предложенных опорных слов сопоставлялись с данными указанных выше словарей, а затем проверялись на наличие их в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru; далее – корпус).

Полученные таким образом данные подверглись всестороннему анализу. В частности, были изучены различные характеристики средств выражения ЛФ Magn. Описанию этих характеристик и посвящена настоящая статья.

По своей общей синтаксической функции средства выражения ЛФ Magn являются разновидностью определения к своим опорным словам, что обуславливает зависимость их частеречной принадлежности от частеречной принадлежности опорных слов. Такая зависимость выражается традиционно для русской грамматики: существительные определяются прилагательными, образуя словосочетания на основе согласования, а глаголы и прилагательные определяются наречиями, соединяясь в словосочетания на основе примыкания. Определением (и, следовательно, средством выражения ЛФ Magn) к существительным могут также выступать причастия, которые при этом нередко переходят в прилагательные, определением к глаголам – деепричастия, которые в этой адвербиальной функции тоже могут переходить в наречия. Отмечены единичные случаи использования в

качестве средств выражения ЛФ Magn глаголов, существительных и местоимений; не отмечено случаев употребления в этом качестве числительных.

Итак, с точки зрения исходной частеречной принадлежности простые (однословные) средства выражения ЛФ Magn могут быть представлены¹:

а) существительными: Magn (дождь) = *стеной* (э.), Magn (ветер) = *порывами* (М., э.);

б) прилагательными: Magn (гнев) = *страшный* (М., У., э., к.), *неистовый* (М., У., э., к.); Magn (дождь) = *проливной* (М., У., э., к.), *затяжной* (М., У., э., к.); Magn (друг) = *близкий* (М., У., э., к.), *сердечный* (М., У., э., к.);

– **в превосходной степени сравнения:** Magn (борьба) = *упорнейшая* (э.), *жесточайшая* (э.); Magn (выстрел) = *могущественнейший* (э.), *сильнейший* (э.); Magn (ветер) = *наисильнейший* (э.), *страшнейший* (э.), *ужаснейший* (э.); Magn (кофе) = *наилучший* (э., к.), *вкуснейший* (э.);

в) местоимениями: Magn (надежда) = *вся* (М.); Magn (промокнуть) = *весь* (э., к.); Magn (дружный) = *такой* (э., к.); Magn (безнадёжный) = *самый* (э.);

г) глаголами: Magn (дождь) = *наяривает* (э.);

д) причастиями: Magn (ветер) = *пронизывающий* (У., э., к.), *продувающий* (э.); Magn (дождь) = *леденящий* (э., к.), *непрекращающийся* (У., э.); Magn (друг) = *испытанный* (М., У., к.), *проверенный* (э., к.);

е) деепричастиями: Magn (обещать) = *божась* (э.), *покаявшись* (э.); Magn (победить) = *не задумываясь* (э.); Magn (рассматривать) = *не моргая* (э.), *не отрываясь* (э.);

ж) наречиями: Magn (друг) = *навсегда* (э., к.); Magn (борьба) = *на смерть* (э., к.); Magn (дружба) = *навек* (М., э., к.); Magn (бороться) = *упорно* (М., У., э., к.), *яростно* (М., У., э., к.); Magn (бояться) = *ужасно* (М., У., э., к.), *панически* (М., У., э., к.); Magn (помнить) = *назубок* (э., к.), *наизусть* (У., э., к.), *всегда* (М., э., к.); Magn (опытный) = *очень* (М., э., к.), *наиболее* (э., к.);

– **в превосходной степени сравнения:** Magn (бороться) = *упорнейшие* (э.); Magn (бояться) = *больше всего* (У., к.); Magn (понимать) = *лучше всех* (э.), *отличнейшие* (э.).

Кроме того, усиление значения исходного слова возможно при помощи **словообразовательных элементов**. Например: Magn (гнев) = *супер* (э.); Magn (агрессия) = *мега* (э.), *сверх* (э.); Magn (грамотный) = *супер* (э.); Magn (дружный) = *мега* (э.); Magn (агрессивный) = *сверх* (э., к.); Magn (надежный) = *ультра* (э.); Magn (опытный) = *гипер* (э.), *экстра* (э.), *много* (э.), *высоко* (э.).

Средства выражения ЛФ Magn более чем в половине случаев состоят из одного слова. Однако около трети всех средств выражения (более 20% для опорных существительных и порядка 40% для опорных прилагательных и глаголов) представлено словосочетаниями, в том числе на основе предлогов, союзов и словосочетаний-предложений. Первые (для опорных существительных) относятся к адъективным словосочетаниям, а вторые (для опорных прилагательных и глаголов) – к адвербиальным.

Приведём примеры адвербиальных словосочетаний, представляющих собой средства выражения ЛФ Magn от опорных глаголов и прилагательных. Они могут быть представлены следующими типами словосочетаний:

а) предложными:

– **предлог + существительное с возможными распространителями:** Magn (безнадёжный) = *до боли* (э.); Magn (рассматривать) = *до боли в глазах* (э.); Magn (надеяться) = *из последних сил* (э.); Magn (бороться) = *из всех сил* (э., к.); Magn (бороться) = *с усердием* (э.); Magn (победить) = *с немалым усердием* (э.);

– **предлог + местоимение:** Magn (надеяться) = *несмотря ни на что* (э.);

б) союзными:

– **сравнительный союз + существительное с возможными распространителями:** Magn (неграмотный) = *будто новичок в этом деле* (э.); Magn (удивлённый) = *как ребенок* (э.); Magn (неграмотный) = *как маленький ребенок* (э.); Magn (надёжный) = *словно лучший друг* (э.);

– **сравнительный союз + местоимение с возможными распространителями:** Magn (надёжный) = *как никто* (э.); Magn (восхищённый) = *как никто другой* (э.); Magn (надеяться) = *как на самого себя* (э.); Magn (понимать) = *как самого себя* (э.);

– **сравнительный союз + наречие:** Magn (помнить) = *будто вчера* (э.); Magn (удивлённый) = *как никогда* (э.);

– **сравнительный союз + глагол с возможными распространителями:** Magn (агрессивный) = *как с цепи сорвался* (э.); Magn (удивлённый) = *как будто в первый раз увидел* (э.); Magn (опытный) = *словно тысячу лет живет* (э.);

– **союз + придаточное предложение:** Magn (восхищённый) = *настолько, что дух захватывает* (э.); Magn (бороться) = *пока не иссякнут силы* (э.); Magn (допрашивать) = *пока не расколется* (э.); Magn (удивлённый) = *так, что глаза на лоб вылезают* (э.); Magn (бояться) = *так, что мандраж берет* (э.); Magn (восхищённый) = *так, что нет слов* (э.);

в) местоименными (местоимение + существительное): Magn (помнить) = *все время* (э., к.); Magn (надеяться) = *всей душой* (э.); Magn (надеяться) = *всем сердцем* (э.); Magn (бояться) = *всю жизнь* (э., к.);

г) с частицами:

– **частица + наречие:** Magn (грамотный) = *ну очень* (э.); Magn (удивленный) = *уж больно* (э.);

– **частица + глагол в форме повелительного наклонения:** Magn (безнадежный) = *хоть плачь* (э.); Magn (неграмотный) = *хоть вешайся* (э.), *хоть плачь* (э.);

д) деепричастными: Magn (бороться) = *не щадя живота своего* (М., У., к.); Magn (обещать) = *положа руку на сердце* (э.), *дав клятву Богу* (э.); Magn (победить) = *не оставляя шансов* (э.); Magn (рассматривать) = *не отрывая глаз* (э.).

Перейдём к рассмотрению адъективных словосочетаний, представляющих собой средства выражения ЛФ Magn от опорных существительных. Они могут быть представлены аналогичными типами словосочетаний:

а) предложными:

– **предлог + существительное с возможными распространителями:** Magn (дружба) = *до конца жизни* (э.); Magn (борьба) = *до победного конца* (э.); Magn (борьба) = *из последних сил* (э.); Magn (борьба) = *изо всех сил* (э.); Magn (дружба) = *с детства* (э., к.); Magn (дружба) = *с малых лет* (э.); Magn (ветер) = *со скоростью света* (э.);

б) союзными:

– **сравнительный союз + существительное (возможно с предлогом):** Magn (выстрел) = *как взрыв* (э.); Magn (дождь) = *как водопад* (э.); Magn (дождь) = *как из ведра* (М., У., э., к.); Magn (выстрел) = *как из пушки* (э., к.); Magn (дождь) = *как стена* (э.);

– **союз + придаточное предложение:** Magn (ветер) = *такой, что к земле прижимает* (э.); Magn (кофе) = *такой, что не буду спать всю ночь* (э.); Magn (ветер) = *такой, что не даёт и шагу сделать* (э.); Magn (выстрел) = *такой, что обалдеть можно* (э.); Magn (кофе) = *такой, что пил бы и пил* (э.);

в) причастными (причастие + распространители): Magn (выстрел) = *валящий наповал* (э.); Magn (надежда) = *вечно живущая* (э.); Magn (друг) = *всегда понимающий* (э.); Magn (ветер) = *вырывающий деревья с корнем* (э.); Magn (гнев) = *ни с чем не сравнимый* (э.); Magn (дождь) = *заливающий всё* (э.); Magn (дружба) = *ничем не сломленная* (э.); Magn (кофе) = *отлично сваренный* (э.); Magn (дружба) = *проверенная временем* (э., к.); Magn (дождь) = *смывающий всё* (э.); Magn (ветер) = *срывающий всё на своем пути* (э.);

г) деепричастными (деепричастие + распространители): Magn (борьба) = *не жалея жизни* (э.); Magn (борьба) = *не жалея себя* (э.);

д) глагольными (глагол + распространители): Magn (ветер) = *гнёт деревья до земли* (э.); Magn (дождь) = *заливает всё кругом* (э.); Magn (дождь) = *лёт без устали* (э.); Magn (дождь) = *лёт напропалую* (э.); Magn (ветер) = *сбивает с ног* (э., к.); Magn (ветер) = *срывает крыши* (э., к.).

Подводя итог рассмотрению «сложных» средств выражения ЛФ Magn, отметим значение эксперимента для выявления и описания этого типа средств усиления. В словарях такие средства выражения крайне немногочисленны, практически единичны. В эксперименте же от испытуемых на 30 опорных слов было получено 588 словосочетаний, выражающих значение ЛФ Magn, что составляет 34,1% от всех проанализированных (неповторяющихся) ответов. Полноценная треть реальных, «живых» средств выражения ЛФ Magn, безусловно, заслуживает не только упоминания, но и достаточно детального изучения и отдельного описания, что мы и постарались в этой работе продемонстрировать.

В ходе корпусного исследования были получены также данные о частоте встречаемости средств выражения ЛФ Magn в той или иной позиции по отношению к опорному слову. На основании этого были сделаны следующие выводы:

- для всех рассматриваемых частей речи в целом характерна препозиция слов-усилителей;
- для опорных существительных и глаголов возможны средства выражения ЛФ Magn, употребляемые только в постпозиции (например: Magn (бороться) = *до конца* (0 контекстов – в препозиции / 31 – в постпозиции); Magn (борьба) = *не на жизнь, а на смерть* (0/23); Magn (дождь) = *как из ведра* (0/10); Magn (друг) = *с детства* (0/6); Magn (понимать) = *с полуслова* (0/5) и др.); для опорных прилагательных таких средств усиления не выявлено;
- подавляющее большинство средств усиления опорных существительных и глаголов могут употребляться в обеих позициях, но с разной степенью вероятности – от ярко выраженного преобладания (Magn (дождь) = *проливной* (239/9)) до практически полного равенства (Magn (друг) = *сердечный* (46/45)).

Особенности конкретных средств выражения необходимо указывать в словарях, ориентированных на синтез речи.

В процессе изучения сложных средств выражения ЛФ Magn нами было также отмечено значительное количество редких или единичных словосочетаний (как адъективных, так и адвербиальных), имеющих в своём составе одинаковый компонент, например, предлог *до* или сравнительный союз *как*. Частота употребления таких сочетаний в качестве средств выражения ЛФ Magn наводит на мысль о существовании среди описанных нами выше синтаксических моделей определённого подтипа моделей, объединённых общей семантической структурой, в нашем случае служащей выражению значения усиления. Возможно, такие модели можно было бы называть **семантико-синтаксическими**.

Нами было выявлено пять продуктивных семантико-синтаксических моделей: 1) *до* + ‘предельное состояние усиления ключевого признака’, например, *до ужаса, до боли, до безумия, до смерти, до слёз, до посинения, до конца, до потери пульса, до потери сознания, до изнеможения* и т.п.;

2) *как* + ‘типичный обладатель ключевого признака / типичная ситуация’, например, *как ребёнок, как собака, как стена, как взрыв, как Незнайка, как швейцарские часы, как бронированный автомобиль, как в мышеловке, как собака на цепи, как в микроскоп* и т.п.;

3) *с* + ‘качество (часто предельное) ключевого признака’, например, *с любопытством, с интересом, с жадностью, с остервенением, с пеной у рта, с пристрастием, с увлечением, с усердием, с замиранием сердца, с большим трудом* и т.п., *с* + ‘период / момент времени’, например, *с детства, с младенчества, с пелёнок, с малых лет* (этот подвид модели приходится отмечать отдельно в том числе из-за разницы в падеже, которым управляет предлог: в общем случае – творительным, для длительности – родительным);

4) *на* + ‘качество ключевого признака’, например, *на зависть, на редкость, на удивление, на все сто процентов, на века, на всю жизнь* и т.п.;

5) *так (такой), что* + ‘гипербола типичного состояния / ситуации’, например, *(бояться) так, что волосы дыбом встают; так, что мурашки по коже идут; (ветер) такой, что не даёт и шагу сделать; такой, что к земле прижимает; (удивлённый) так, что глаза из орбит вылезают; так, что челюсть отвисла до пола* и т.п.

Первая модель оказалась наиболее продуктивной для глаголов (20,6% от всех средств усиления), вторая – для прилагательных (10,1%). Третья модель испытуемыми для усиления прилагательных не применялась. Для существительных ни одна из моделей высокой продуктивности не показала.

Анализ средств усиления по представленным в них «вторым» семам (после семы 'очень', то есть по признаку усиления), позволил нам выделить шесть семантических областей, достаточно активно использовавшихся испытуемыми для усиления опорных слов. Это области с условным названием 'время', 'жизнь и смерть', 'физические параметры', 'эмоциональное впечатление', 'безумие' и 'животные'.

В область 'физических параметров' вошли среди прочих подобласть «сила» (представлена такими усилительными средствами, как *сильный; очень сильный; сильнейший; наисильнейший; сильно; очень сильно; сильнее всех; сильнейше; во всю силу; до последних сил; всесильная; до такой силы; из последних сил; изо всех сил; пока не иссякнут силы; что есть сил* и др.) и подобласть «измеряемые параметры» (например, такие средства выражения ЛФ Magn, как *крупный; великий; громадный; гигантский; глубокий; углубленно; до глубины души; теплый; горячий; до кипения; накаленный; термоядерный; огненный; леденящий; громкий; густейший; насыщенный; крепкий; жесткий; твёрдый; мощный; мощно; точно; часто* и др.), которые доминируют при выражении значения ЛФ Magn над всеми другими областями и подобластями смысла. Лидерство первой объясняется совпадением со смыслом самой ЛФ Magn, высокие показатели второй отражают тот факт, что суть измеряемых параметров предполагает наличие у них большей или меньшей степени.

Третьей по частотности оказалась область 'эмоциональные впечатления' (испытуемые использовали следующие средства усиления: *восторженно; восхитительно; до восхищения; изумительно; удивительно; поразительно; потрясающе; невиданный; неожиданно; ошеломляющий; на зависть; удручающе; пугающе; устрашающий; страшный; ужасно; до ужаса страшный; жуткий; душераздирающий; кошмарно; чудовищно; панически* и др.), которая описывает усиление в отрыве от конкретных параметров и признаков – через эмоциональную реакцию. Четвёртое место заняла семантическая область 'жизнь и смерть' (например, *до смерти; насмерть; смертельно; смерти подобный; под клятвой смерти; убийственный; до гроба; до последней капли крови; до последнего вдоха; не на жизнь, а на смерть; вечно живущий; пожизненно; на всю жизнь; всю жизнь* и др.), что отражает категориальную значимость этих понятий для человека, и пятое место – второй после 'силы' конкретный признак 'время' (например, *вечно; навеки; на века; всегда; непрекращающийся; нескончаемый; окончательно; бесконечно; давний; длительный; долго; долгое время; все время; двадцать четыре часа в сутки; ежеминутно; до последней секунды; в кратчайшие сроки; молниеносно; моментально; тут же* и др.), передающий значение усиления через описание длительности или скорости.

Примечательно, что в диссертационном исследовании Н.В. Волковой, изучавшей ЛФ Magn в несвободных сочетаниях на материале русской и немецкой художественной литературы, отмечается менее активное использование компонента 'сильный' в русском языке по сравнению с немецким (Волкова 2005: 91). Не оспаривая сопоставительный аспект, напомним, что в нашем исследовании 'сила' оказалась безусловным лидером среди всех областей смысла, используемых для усиления в русском языке. Возможно, разница в оценках вызвана различиями в материале исследования: письменная литературная речь, видимо, предполагает большее разнообразие средств выражения (и, в частности, усиления), чем разговорная речь обычных носителей языка, отражённая в нашем эксперименте. Поэтому при оценке частотности или доминирования того или иного средства выражения, очевидно, необходимо учитывать характер обрабатываемого материала.

Таким образом, в настоящей статье средства выражения ЛФ Magn были описаны с точки зрения их морфологических, синтаксических и семантических характеристик.

Примечания

¹ Здесь и далее в приводимых примерах сокращения обозначают следующие источники: **М.** – «Толково-комбинаторный словарь» И.А. Мельчука и А.К. Жолковского; **У.** – «Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков» И.И. Убина; **э.**– эксперимент; **к.**– Национальный корпус русского языка.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* К проблеме функциональных типов лексического значения // *Аспекты семантических исследований.* М., 1980. С.156-249.
- Волкова Н.В.* Сопоставительный анализ несвободных субстантивных сочетаний в русском и немецком языках. Дисс. ...канд. филол. наук. М., 2005.
- Вольф Е.М.* Грамматика и семантика прилагательных (на материале иберо-романских языков). М., 1978.
- Мельчук И.А., Жолковский А.К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
- Сергеева Е.Н.* Степени интенсивности качества и их выражение в английском языке. Дисс. ...канд. филол. наук. М., 1966.
- Суворина К.Н.* Интенсивы в современном английском языке. Дисс. ...канд. филол. наук. М., 1976.
- Тиханович А.Н.* Экспериментальное изучение лексической функции Magn // *Русская языковая личность: Материалы шестой выездной школы-семинара.* Череповец, 2007. С. 113-121.
- Тиханович А.Н.* Лексическая функция Magn в ментальном лексиконе // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.* Научный журнал. №33 (73). СПб., 2008. С. 458–465.
- Убин И.И.* Лексические средства выражения категории интенсивности (на материале русского и английского языков). Дисс. ...канд. филол. наук. М., 1974.
- Убин И.И.* Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков. М., 1995.
- Bolinger D.* Degree words. The Hague – Paris: Mouton. 1972.

СОДЕРЖАНИЕ

М.А. Бирюкова (Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского) Квантитативно-экзистенциальные категориальные ситуации в русском и английском языках.....	3
М.С. Ванюгина (Череповецкий государственный университет) Приставочные глаголы движения: проблема определения обязательных валентностей (на материале русского языка).....	6
Е. Л. Вилинбахова (Санкт-Петербургский государственный университет) Сколько лет женщине бальзаковского возраста?	10
М.В. Гаранович (Пермский государственный университет) О необходимости разграничения в лингвистике понятий «гендерный языковой стереотип» и «гендерный речевой стереотип».....	16
А.А. Горбов (Санкт-Петербургский государственный университет) Теория видовых гнезд: pro et contra.....	18
Е.В. Горбова (Санкт-Петербургский государственный университет) От антонимии до синонимии св и нсв русского глагола (на материале лингвистического эксперимента)*.....	24
А.В. Дубасова (Санкт-Петербургский государственный университет) «Передвижения» в истории балтийских языков (фонология).....	33
Е.И. Риехакайнен, Н.А. Слепокурова (Санкт-Петербургский государственный университет) Дискурсивные слова в русской спонтанной диалогической речи: предварительные итоги исследования.....	36
А.С. Рогова (Петрозаводский государственный университет) Специфика речи русскоязычных иммигрантов в русско-норвежском приграничье	44
А.В. Семикрас (Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург) Говорящий, сфера деятельности и региональный вариант речи.....	48
А.Н. Тиханович (Череповецкий государственный университет) О средствах выражения лексической функции magn	51

МАТЕРИАЛЫ
XXXVIII международной филологической конференции

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

16-21 марта 2009 г.
Санкт-Петербург

Научное издание

Оригинал-макет подготовлен Н.А. Осьминкиной

Лицензия ЛП №000156 от 27.04.99.

Объем 4,2 авт.л. Тираж 100 экз.
Факультет филологии и искусств СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Университетская нпб., 11

ОНУТ Факультета филологии и искусств СПбГУ
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 11.